

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

СТРАЖА
ЛОПУХАСТЫХ
ОСТРОВОВ

Владислав Крапивин

Стража Лопухастых островов

«Автор»

2003

Крапивин В. П.

Стража Лопухастых островов / В. П. Крапивин — «Автор», 2003

ISBN 5-17-036342-7

В книге "Стража Лопухастых островов" действие происходит в небольшом городке, где удивительные события – не редкость. Да и как может быть иначе, если по соседству с жителями городка обитают травяные кнамы и ручейковые квамы, да и говорящего ежика спасти просто необходимо...

ISBN 5-17-036342-7

© Крапивин В. П., 2003

© Автор, 2003

Содержание

СТЁПКИН ЗУБ	5
Лекарство для Ёжика	5
Давай твою лапу...	13
Кинокамера «Mefisto»	21
Трое с «Репейного беркута»	27
Конструкция с маятником	33
«Где же мы?..»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владислав Крапивин

Стража Лопухастых островов

Роман-сказка

СТЁПКИН ЗУБ

Лекарство для Ёжика

1

Учительница географии Анна Львовна была молодая. Или, правильнее сказать, молоденькая. Симпатичная и добрая. В Малые Репейники она приехала прошлым летом и в школе работала первый год. Все ее любили. А особенно – пятый «Б», где она преподавала не только географию, но и «Основы искусств». Поэтому Ига Егоров, увидев, какая у нее большущая сумка с книгами, сразу сказал:

– Анна Львовна, давайте помогу дотащить!

– Ой, спасибо, Игорек!.. Да ведь у тебя самого рюкзак вон какой!

Школьный рюкзачок пятиклассника Егорова в самом деле был тяжеловат. В нем лежали полученные в библиотеке учебники для шестого класса – вместо прежних, с которыми «покончили мы счеты». Но Ига храбро потрянул спиной:

– Не привыкать!

– Давай я возьму сумку за одну ручку, а ты за другую. И поможешь только до автобуса. А на моей остановке меня встретит... один знакомый.

«Тоже мне «знакомый», – подумал Ига. – Мог бы и здесь встретить, на рассыпался бы небось...» Но, конечно ничего не сказал.

Они вышли на теплое от солнца крыльцо.

Уже отцвела черемуха (кстати без обычных в такую пору холодов), и теперь в школьном сквере буйной пеной кипела белая сирень. В этой пене слышались тонкие и храбрые вопли первоклассников. Те играли в «скройся-умойся». Это что-то вроде пряталок, только с высовыванием и переключкой. То и дело мелькали в зарослях поцарапанные локти и круглые оттопыренные уши. Уши были розово-коричневые. У здешних пацанов и девчонок они загорают раньше, чем руки-ноги, лица и шеи. В начале июня кромки ушей уже шелушатся и с них можно снимать похожие на папиросную бумагу кожурки.

Но сейчас еще был май. Последние школьные деньки!

Ига и Анна Львовна прошли через сквер и двинулись по улице Солнечных часов. Эти часы – на площадке перед старинной кирпичной аптекой под названием «Не болейте!» – показывали точно полдень. Сквозь бугристый асфальтовый тротуар там и тут пробивались лопухи. Ига старательно шагал в ногу с Анной Львовной, чтобы сумка не дергалась на ходу. Он шел по краю асфальта, у заросшего кювета, который густо пестрел одуванчиками (такими же солнечно-желтыми, как Игина футболка с дурашливой надписью «Wsjo budet khorosho»). Два раза Ига заметил в одуванчиках похожие на капли кнамьи шарики. Однако останавливаться и нагибаться было неловко. Ладно, пусть повезет другим. Хотя бы тем тонкоголосым первоклассникам, которые порезвятся в сирени и побегут по этой улице домой.

Сумка плавно покачивалась, Анна Львовна сперва молчала, а потом неуверенно сказала:

– Ига, я хочу посоветоваться...

– Про что?

– Скоро праздник в честь окончания учебного года. Будет концерт. Надо устроить его поинтереснее. Не правда ли?

«Знаем мы это дело», – подумал Ига.

– Анна Львовна! Я же не умею ни плясать, ни стихи читать!

Она рассмеялась:

– Я не о том. У меня есть один знакомый. Замечательный артист-фокусник. То есть иллюзионист. Умеет показывать удивительные вещи. Посмотришь, и сразу ясно: фокусы – такое же искусство, как скажем, балет или симфоническая музыка... Вот я и думаю: не пригласить ли его?

– Пригласите, конечно, – вздохнул Ига. Т насупленно замолчал

– Ты что вдруг приуныл? А? Ну-ка говори! Только честно.

Ига сказала честно:

– Знаем мы такое искусство. Уговорит вас этот артист замуж и увезет куда-нибудь из Репейников. Это и будет фокус...

– Игорек! Некто меня не уговорит!.. По крайней мере в ближайшее время. А если и уговорит, то никуда не увезет. Хотя бы до той поры, пока я вас не выпущу из одиннадцатого класса.

Ига глянул искоса:

– Правда?

– Честное лопухастое, – отозвалась Анна Львовна здешней ребячьей клятвой. И в знак ее прочности подняла левую руку, сцепила в колечко большой и указательный пальцы.

Оба посмеялись. Ига – с облегчением. Надо бы извиниться за нахальные слова, но это было стыдно. Ига чувствовал, что Анна Львовна понимает его неловкость. Поэтому лишь посопел.

Остановка была недалеко, на Коленчатой улице. Автобус подкатил почти сразу. Ига втащил сумку в переднюю дверь (водитель терпеливо ждал), устроил ее рядом с Анной Львовной на сиденье и выскочил на тротуар. Помахал вслед автобусу. Огляделся. И подумал, что возвращаться к школе и топать домой привычной дорогой не имеет смысла. Ближе – вниз по Коленчатой, потом через Полынные переулки (Прямой и Кривой) и наконец через Ярушинский овраг с речкой Говорлинкой.

Оба Полынных переулков были сплошь в молодой траве. От нее пахло ромашками, хотя самих ромашек не было видно. Машины здесь не ходили. Ходили в основном гуси – вереницами, по тропинкам, протоптанным в свежих лопухах и клевере от калитки к калитке. Самая длинная вереница попала в Иге в Кривом Полынном. Тяжелые гогочущие птицы проследовали поперек переулков величаво, как эскадра парусных линейных кораблей. Ига терпеливо переждал. А когда он собрался шагнуть дальше, на тропинке показался еще один гусь.

2

Этот крупный пыльно-белый гусак с длинной шеей и шишкой на лбу был известен всем. Звали его Казимир Гансович. Он был ничей. Иногда Казимир Гансович примыкал к той или иной гусиной компании (чтобы подкормиться) и проживал с нею на каком-нибудь дворе или в сарае, но хозяев не признавал. Да и со своими соплеменниками близкой дружбы не заводил, держал, так сказать, дистанцию.

У него было врожденное чувство собственного достоинства.

Но несмотря на это чувство (а точнее, благодаря ему) Казимир Гансович со всеми был вежлив, ни на кого не шипел, с собаками и кошками не ссорился, ребят за ноги не щипал и порой даже вступал в беседу.

Ига сразу узнал Казимира Гансовича по кожаному бантику-бабочке, который неизменно красовался на гусиной шее.

– Добрый день, Казимир Гансович!

Гусь гоготнул и остановился.

– Не скажете ли, какая погода будет в ближайшие дни?

Казимир Гансович умел предсказывать погоду лучше, чем губернская метеостанция. Тем он и был знаменит среди жителей Малых Репейников. Если он говорил «га-га», значит и прогноз был «га-гадостный». А если сообщал, что «ого-го», значит, и дни ожидалось «ого-го» – теплые и солнечные.

Сейчас Казимир Гансович произнес, как и ожидал Ига, «ого-го», но вид у него был грустный. Даже потерянный.

– Вы чем-то расстроены?

Казимир Гансович шевельнул кончиком крыла. Так машет ладонью уставший от неприятностей человек. Потом он обошел Игу на тропинке и двинулся к дальней калитке, ковыляя сильнее, чем обычно.

– Может, вам чем-то помочь? – сказал Ига вслед.

Гусь уходил молча. Ига вздохнул, пожал плечами и пошел своей дорогой. Но тут же услышал:

– Ига-га...

Оглянулся.

Гусь смотрел на Игу виновато. Потом сбивчиво забормотал. Можно было только различить «ге-ге-ге», но о чем это – непонятно.

– У вас боли в ноге? – на всякий случай спросил Ига.

Казимир Гансович досадливо мотнул головой. Вытянул вверх шею, встал на цыпочки (если так можно сказать про гуся), развернул во весь размах крылья, словно собрался взлететь. Но не взлетел, а только тряхнул одним крылом и уронил с него длинное перо. Обмяк, опять сказал «ге-ге» и подвинул перо к Иге перепончатой лапой. Потом заковылял прочь, уже без оглядки.

Видимо, он решил подарить перо Иге. Зачем?.. Ну да ладно, подарки критиковать не принято. Ига сказал гусю вслед спасибо, скинул рюкзачок, вынул новенький учебник биологии, вложил в него перо, как закладку (конец остался торчать). Снова затолкал книгу в рюкзак. Натянул на плечи лямки. Да, нелегко ты, груз наук. Хорошо, что дом уже недалеко.

Кривой Полынный переулочек обрывался на берегу Ярушинского оврага. Склоны были крутые. Местами их укрывала кленовая поросль, а кое-где они были травянистые и в бурьяне. Даже здесь, наверху, слышалось, как журчит и бурлит на дне речка Говорлинка. Она то пряталась в кустах черемухи, ольхи и смородины, то выскакивала на зеленые и глинистые проплешины, швыряла в воздух солнечные осколки.

Ига по деревянным ступенькам – наверно таким же старым, как сам город Малые Репейники – спустился под откос. Внизу пахло речной водой, осокой и мокрой листвой, но солнце пекло, как и на улицах. Вверху, по краям оврага цвели над прогнувшимися заборами густые яблони. От них стекал по откосам свой, яблоневый запах и у Говорлинки смешивался с речным.

К воде вела от лестницы по мелкому разнотравью тропинка.

Воды сегодня было больше, чем обычно.

Вообще-то Говорлинка даже не речка, а просто большой ручей. Можно перескочить его с разбега в любом месте. И главное, что глубина и ширина в нем почти всегда одинаковые – даже при весеннем снеготаянии и бурных дождях. Какие-то хитрые подземные стоки регулируют

уровень речки, и она никогда не разливается. За очень редкими исключениями. Но сейчас, видимо, было именно такое исключение. Вода шумела громче обычного и до другого берега сделалось метра четыре. Разве перепрыгнешь! Да еще с рюкзаком. Конечно, можно перебросить рюкзак отдельно, да лучше не надо: чего доброго, не долетит, такой увесистый, булькнет, суши потом новенькие учебники. Да и самому не мудрено булькнуть... А до мостика шагов триста по глине и осоке.

Ладно, можно и вброд. Ига расшнуровал и сдернул новенькие кеды, затолкал в них носки, перебросил обувь через воду. Поддернул повыше обрезанные и растрепанные над коленками джинсы. Оглянулся: не валяется ли поблизости какая-нибудь палка, чтобы на ходу ощупывать дно? Палки не было, но зато...

Вот удача-то! Неподалеку, на пяточке подсохшей глины был отпечатан среди редких травинок след босой ноги. Не простой след, а большущий, полметра длиной!

Ига подбежал. Осторожно встал обеими ногами в след. Потер о глину ступни.

Помоги мне, дядя Жора,
Чтобы стал я нетяжелый!
Сосчитаю я до двух —
Буду легонький, как пух!
Два – раз!
Раз – два!
Подо мной не гнись трава!..

Такое колдовство помогало не всегда. Но на этот раз помогло (такой был хороший день!). Ига ощутил, как ноги его стали пружинистыми, а по телу разлилась легкость. Почти невесомость. Даже рюкзак весил теперь, как кулек с макаронами. Ура!

Ига разбежался и перелетел Говорлинку, будто подхваченный ветром воздушный шарик.

И приземлялся он, как сгусток тополиного пуха, замедленно. Это и спасло малюсенького растяпу-кнама.

Ига заметил его в последний момент. Падая на четвереньки, чуть не прихлопнул малыша ладонью! В последний миг Ига извернулся, вздернул руку, упал на бок. Кнам перепуганно присел в травинках на ногах-спичках, приоткрыл крохотный, как игольное ушко, рот.

– Ты спятил, да?! – плаксиво взвыл Ига. Ведь чуть не искалечил мелкого дурня. А то бы и совсем в лепешку... Мучайся потом всю жизнь! – Ты что здесь делаешь!

– Извините... – комариным писком отозвался кнам.

Видимо, он был из породы одуванчиковых кнамов – в перистой зеленой одежке, с белой пушистой головкой. И, судя по всему, пацаненок. Взрослые травяные кнамы обычно ростом с указательный палец большого дядьки, а этот – с Игин мизинец. И без бородки.

Ига навис над ним.

– Здесь же тропинки и брод! Разве ты не знаешь, что у тропинок гулять опасно... – Он чуть не добавил «козявка недоразвитая», но сдержался. Такое было бы оскорбительно даже для кнамьего малыша. Тот и так натерпелся. Ига на миг представил себя на месте крохи. Пробираешься среди травинок, и вдруг сверху на тебя валится что-то громадное, как живая туча!

– Ладно, не дрожи... Ты где живешь?

– У старой черемухи, в корнях. Там наш хутор... – пропищал кнам.

– Небось удрал из дома без спросу?

– Я больше не буду...

– Гляди в следующий раз... Дорогу назад помнишь?

– Помню... Я по запаху найду.

– Вот иди и нюхай. А дома скажи, чтобы тебе уши надрали... Ох, да у вас же нет ушей.

– У нас есть, только маленькие, не торчат, – пропищал кнам уже не так боязливо. Словно даже с юмором, с намеком.

– Брысь...

Кнам исчез.

Ига постоял на четвереньках, помотал головой, прогоняя остатки испуга. Встал, поправил рюкзак – он по-прежнему был почти невесомый. В ногах и теле тоже не исчезала легкость. Поэтому и хорошее настроение вернулось в ту же минуту. Ига хотел уже двинуться вприпрыжку к ведущей наверх лесенке (такой же, по которой спустился). И увидел, что там спускается по ступенькам второклассник и начинающий поэт Генка Репьёв.

3

Генка Репьёв был в Малых Репейниках весьма известен. По крайней мере, не меньше, чем Казимир Гансович. Ребята хвалили его за то, что он удачно придумывал всякие считалки и заклиналки. А по местному радио не раз исполняли Генкику песенку. Он ее прошлой осенью сочинил, чтобы открывать передачи «Ключик для репейных сказок»«. Для такой песенки был объявлен среди школьников конкурс, и Генкина оказалась лучше всех.

Вот она.

Тум-бурум! Девчонки и мальчишки!
Мы себе придумали закон:
Если мы на лбу набили шишки,
То запрячем слезы под замком!

Тум-бурум! Андрюшки, Вовки, Ленки!
Надо всем запомнить навсегда:
Не беда разбитые коленки
И синяк под глазом – ерунда!

Если ищешь ты заветный ключик,
То в колючей чаще не дрожи!
Не бывает сказок без колючек —
Это знают дети и ежи!

Про ежей в песенке упомянуто не зря. В окрестностях Малых Репейников они водились в немалом количестве, и все их любили. У Генки был даже друг-ежик. Его так и звали – Ёжик, – и был он говорящий. Поэтому второкласснику Репьёву многие завидовали, но без досады, по доброму..

Генка Репьёв – человек жизнерадостный и дружелюбный, это знали все. И потому Ига слегка встревожился, заметив, что у Генки грустный вид. Генкино колено было забинтовано, однако это, как известно, не беда, и причина грусти явно была в другом. Но неудобно так сразу лезть человеку в душу. Ига сказал:

– О! Репивет! – Это означало «привет» по-репейному.

– Репивет, – вздохнул Генка.

– Куда шагаешь?

– К воде. Буду в ней бродить... – ответил Генка без утайки, но непонятно.

Ладно, хочет человек бродить в речке, значит, ему это зачем-то надо. Ига только сказал:

– Бинт не намочи. А то залезет в колено какая-нибудь зараза...

Генка досадливо вскинул торчащие, как спички, ресницы.

– Ну, какая в Говорлинке зараза! Здесь вода самая чистая.

– Это в обычное время чистая. А сегодня смотри, как разлилась. Может, из каких-то мастерских спустили отходы. Случается иногда...

– Ничего не спустили. Ручейковые квамы ниже по течению запруду сделали, мальков ловят для своего питомника. К вечеру разберут.

– А я чуть зеленого кнама не раздавил, – признался Ига. – Вот такого... Скакнул через речку, а он прямо подо мной! Я еле извернулся. До сих в пор в животе что-то ёкает, как вспомню...

– Заёкает тут, пожалуй... – посочувствовал Генка. И вежливо не поверил:

– Неужели ты через речку при таком разливе прыгал?

– Да! На том берегу Жорин след есть, я потоптался! Еще и сейчас как на крылышках...

Всякий нормальный человек в нормальном настроении тут же начал бы расспрашивать: где след? И кинулся бы туда! Но Генка вздохнул снова:

– Повезло тебе...

Тогда Ига не выдержал:

– Ты зачем в речке-то бродить вздумал? Найти что-то хочешь? Вода еще холодная...

– Вот и хорошо. Скорее простужусь.

Ига сказал осторожно:

– Генчик, что случилось?

Начинающий поэт Репьев уронил с ресницы каплю, похожую на кнамий шарик. И сипло сказал:

– Лекарство надо. Ёжик простыл, горячий весь лежит. Ему только антибредин помогает, а он дорогой, бабушка денег не дает... Я реветь пробовал, но с бабушкой это не проходит. Двести рублей надо...

– С ума сойти!

– Вот и она так же говорит. И не верит. Мол, ежики не болеют простудой, даже говорящие. Лечи, говорит, если хочешь, аспирином, я сама всегда им лечусь. А у него на аспирин аллергия...

– А родителей просил?

– Они уехали на три дня в Бубенцы. Ёжик может не дотянуть... А дедушка в доме отдыха. Он-то уж точно бы не пожалел денег...

– А для тебя бабушка не пожалеет? Вдруг начнет, если простынешь, припарками лечить? Или скорую вызовет?

– Все может быть, – прошептал Генка. – Но попробовать-то я *должен*. Какой еще выход?

Ига не знал, какой выход. Но сказал:

– Ты все-таки не рискуй так. Может случиться, что и Ёжика не вылечишь, и сам... Ты лучше иди, посиди с ним, а я что-нибудь придумаю.

– А что? – Генка опять встопорщил ресницы, уже без капель.

Ига понятия не имел, *что*. Но он считал себя удачливым человеком и сейчас надеялся: какой-нибудь выход найдется.

– Ты иди. А я, как что-то получится, к тебе прибегу.

– Ладно, – Генка повеселел. Видимо получать простуду, даже ради друга, ему не очень-то хотелось... – Только ты скорее.

– Постараюсь... Постой! Тут еще такое дело. Сейчас я встретил Казимира, он тоже какой-то невеселый. Что-то бормотал, а потом подарил мне перо. Надо тебе гусиное перо? Говорят стихи ими лучше всего пишутся.

– Конечно надо! Я как раз такое перо у Казимира три дня назад просил. Но он не дал, разозлился, даже обозвал меня «го-го-гуга». И много еще чего наговорил. Наверно, у него были неприятности...

– А ты что, так хорошо его понимаешь?

– Я с Ёжиком был, он всех животных понимает, переводит... – Сказав о Ёжике, Генка снова приуныл.

Ига постарался отвлечь его:

– Казимир говорил «ге-ге-ге». Может, он и хотел, чтобы я перо тебе отдал? В тот раз обругал тебя, а потом совесть замучила. Он вообще-то неплохой гусь.

– Да, наверно! – опять обрадовался Генка. И опять забеспокоился: – А ты обязательно достанешь антибредин?

– Буду стараться изо всех сил!

4

Ига понимал, что теперь ему деваться некуда. Крайний способ – натянуть черную маску и проникнуть в аптеку «Не болейте!» с пластмассовым пистолетом навскидку. Вот был бы шум на весь город. Таких историй в Малых Репейниках не случалось уже давным-давно. Был, конечно, и более простой путь – объяснить все родителям и попросить деньги на лекарство. Но беда в том, что и отцу, и маме второй месяц не платили за работу.

С такой вот озабоченностью Ига выбрался из Ярушинского оврага и теперь шагал по Земляничному поезду. Почему он Земляничный, никто не знал, сроду здесь не росла земляника. Да и не проезд это был, а проход, потому что машины в нем никогда не появлялись. Среди глухих заборов тянулся щелястый деревянный тротуар. Над заборами в Земляничном проезде, как и всюду, цвели яблони. Домов с окошками не было вовсе, лишь торчали кое-где среди заборных досок стены глухих сараев и бревенчатых банек.

И стены, и заборы почти до верху были укрыты репейниками – и сухими, прошлогодними, и свежими, с буйно раскинувшимися лопухами.

Репейники в Малых Репейниках были совсем не малые. Могучие. А слово «Малые» в названии появилось из-за небольших размеров самого городка. Дело в том, что неподалеку располагался в давнюю пору город Большие Репейники. Но потом это название сочли неслонидным и переделали в Ново-Груздев (почему – неизвестно; может быть, он славен был когда-то груздями, которые солили по новому для тех времен рецепту). А Малые Репейники так и остались с прежним именем. Правда одно время они назвались Красноармейском, потому что в полуразрушенном Вознесенском монастыре стояла военная часть. Но потом времена изменились, военных куда-то перевели, в монастыре опять поселились монахи, а городку вернули прежнее имя.

Ново-Груздев от Малых Репейников был совсем недалеко. Но очень от них отличался. Там блестели стеклами многоэтажные кварталы, дымили заводы, тысячами носились по улицам автомобили, ездили троллейбусы и сияла по вечерам реклама «Кока-колы» и «Самсунга». А здесь, как в заповеднике, мирно дремала старина. Правда был район построенных недавно желтых девятиэтажек, недалеко от монастыря, но на большинстве улиц чувствовал себя хозяином неторопливый и тихий девятнадцатый век. С двухэтажными кирпичными особняками, с узорчатыми наличниками деревянных домов, с затейливыми крылечками и с огородами почти в каждом дворе. И надо сказать, что большинству жителей это нравилось – сами себе хозяева, с огородом не пропадешь ни при каких реформах. А кому хочется хлебнуть шумной современности, садись на автобус или трамвай. Всего-то сорок минут, и вот тебе все прелести большого города – с его витринами, бензиновой гарью, модными ресторанами и автомобильными пробками... Многие жители Малых Репейников работали в Ново-Груздеве, но вечером с облегчением спешили в родную тишину.

Большой и малый города соединяет дамба. По ней проложена трамвайная одноколейка (с разъездом на полпути), а рядом с путями – шоссе для машин. Дамбу с северной стороны

омывает озеро Журавлиное – широченное и синее. Слева лежат обширные болота, которые называются Плавни. В Плавнях множество крохотных, как тарелки, озер, тростниковых зарослей и трясин. Воды Плавней и Журавлиного никогда не смешиваются, хотя за городом дамба кончается, и болота с озером примыкают друг к другу.

Малые Репейники лежат на обширном выпуклом острове, который называется Большой Лопуховый. Его, как и дамбу, с одной стороны охватывают Плавни, с другой – просторы Журавлиного озера. В озере и в Плавнях, кроме Большого Лопухового хватает и других островов – и крупных, и мелких: Малый Лопуховый, Индюк, Березовый, Катамаран, Кошкин Пуп... А у тех, что помельче, названий нет. Особенно много безымянных островков на обширных пространствах Плавней. Сколько точно, никто и не ведает. Рыбаки и охотники пытались составить карты, да ничего не получалось. Плавни местами совсем непроходимы. В дальние места пробраться можно только зимой, когда все застыло (но кому это надо, по морозу-то!), или по речке Гусыне. Речка петляет по Плавням, иногда разбиваясь на протоки, и впадает в Журавлиное озеро. На пути она часто сливается с мелкими озерами или совсем теряется в камышовых и ольховых джунглях, а потом опять выскальзывает под солнце... Впрочем, про Плавни, острова и речку Гусыню рассказ еще впереди. А пока...

Пока озабоченный Ига шагал по тропинке вдоль ветхого забора. В одном месте над забором, над лопухами и тропинкой нависала козырьком крыша сарая. Здесь на Игу упал с высоты утюг.

Давай твою лапу...

1

Ну, по правде говоря, утюг упал не совсем на Игу. Если бы точно на него, дальше и рассказывать было бы не о ком. Увесистый снаряд свистнул чуть впереди и врезался в лопухи прямо перед Игиными кедами. Ига замер. Он сразу увидел, что это утюг. Литой, чугунный, старинный. Ига побыл в замершем состоянии три секунды, потом вскинул голову.

Над ним на козырьке крыши стоял... стояла... стояло существо лет восьми-девяти. С прямыми, торчащими, как лучинки, волосами. В просторных шортах из полинялого трикотажа, в желтой, как у Иги футболке, только изрядно замызганной. Лицо на фоне яркого неба было не разглядеть.

– Ты что? Того, да? – Ига крутнул пальцем у виска.

– Я не нарочно, – отозвалось сверху существо. Тонко и в меру виновато, однако без большого испуга.

– А ну иди сюда, – велел Ига. Он был уверен, что виновник покушения тут же слиняет с крыши, только его и видели. Но тот послушно перебрался с сарая на верх забора и оттуда прыгнул в лопухи. И встал перед Игой. Вот, мол, я, делай что хочешь.

А что с ним было делать? Если бы настигнуть убегающего, то можно и пинка дать вдогонку. А с виноватым и беззащитным как быть...

– От меня ведь мокрое место могло остаться, – все еще звонким от перепуга голосом сказал Ига (и понял, что все время помнит крохотного кнама с пушистой головой). – Я тебе что сделал-то?

– Я не нарочно, – опять объяснило существо. Смотрело исподлобья и дергало на себе перекошенные шорты. – Я тебя не видела...

Ага, все-таки не *видела*. Хотя лицо вполне мальчишечье – скуластое, нос сапожком, губы в трещинах. И в коричневых глазах не только виноватость, но и хмурое, не девчоночье упрямство.

– Не видела она... – буркнул Ига. – А зачем вообще с крыши утюги кидать? Вон какой тяжеленный! – Ига поднял утюг из лопухов. Прочитал на нем выпуклую надпись: «Чугунолитейный завод бр. Алексеевых. 1877 г.» (Вот старина-то!) Покачал и уронил. – Пять кило, не меньше. Тренируешься, что ли?

– Не тренируюсь, а... разве не видишь? – Она сердито поднесла ко рту большой палец. Из под верхней губы спускался обрывок суровой нитки.

К ручке утюга тоже была привязана нитка, длинная.

Ига догадался сразу:

– А! Зубодерством занимаешься!

– Ну да... – Она шмыгнула сморщенным носом.

– Другого способа, что ли нету? На Кирилловской улице детский зубной врач, бесплатный.

– Зубных врачей я боюсь пуще смерти, – сумрачно сообщила девчонка. – Забавно, да?

– А вот так, утюгом, не боишься?

– Тоже боюсь. Но это хоть быстро... Только нитка оказалась слабая. Забавно, да?

– Уж куда как забавно, – хмыкнул Ига. – А что, сильно болит, да?

– Не очень. Надоел сильно. Качается и ноет...

– Ну-ка, открой...

– Что? – Она округлила глаза.

– Открой пасть! – приказал Ига.

Она тут же широко развела толстые обветренные губы.

Ига выдернул из-под ремешка футболку, подолом вытер пальцы и решил, что этого достаточно для гигиены. Два пальца сунул в девчонкин рот, ухватился за зуб с ниткой. Потянул без рывка, но решительно. Зуб не стал сопротивляться...

– Вот и все дела. На... – Ига протянул зуб девчонке.

– Ой... Как это ты? – В глазах ее было боязливое восхищение.

– Обыкновенно. Просто надо знать, как тянуть. Я у себя так несколько штук выдернул...

Он ведь у тебя молочный. Наверно, последний, засиделся. Тебе сколько лет?

– Скоро девять... Забавно, да?

– Чего забавного? Всем когда-то было девять. Или будет...

– Ага...

«Ну и всё», – подумал Ига. Надо было сказать «ладно, пока» и отправляться по своим делам. Добывать антибрин. Ига не ушел. Поглядел, как она качает на коротенькой нитке зуб и спросил:

– Тебя как звать-то?

Она перестала качать.

– Степка...

– Че-го... Слушай, ты в конце концов кто? Мальчик или девочка?

– Конечно, девочка! Не видишь, что ли?

«В том-то и дело, что не вижу». – Ига пожал плечами.

– Смотри, у меня сережки, – она зубом качнула рядом с ухом, в котором блестел зеленый камешек.

– Ну и что? Пацаны тоже иногда носят сережки.

– Да, но у них простые колечки, без украшений.

– Ну... ладно. А тогда почему ты Степка?

– Потому что полное имя Степанида. Так мою прабабушку звали, которую я никогда не видала. Вот и меня. Забавно, да?

Ига уже не откликнулся на это «забавно, да», понял, что у Степки такая привычка. А она вдруг сказала:

– Степкой меня папа всегда называл...

Это «называл» тревожно царапнуло Игу. И он быстро спросил:

– А еще тебя как-нибудь называют?

– Бабушка и дедушка говорят «Стеша». Но «Степка», по-моему, лучше.

«По-моему, тоже», – усмехнулся про себя Ига. И подумал опять, что пора идти. А вместо этого стоял и смотрел на Степкины уши с сережками.

– Ты, наверно, не здешняя?

– Я недавно приехала к бабушке и дедушке, из Ново-Груздева. А как ты узнал, что не здешняя?

– По ушам. Они у тебя прижатые. А у здешних ребят у всех уши оттопыренные, лопухастые. Потому что мы живем на Лопуховом острове. Такая примета. Если будешь здесь долго жить, у тебя тоже оттопырятся.

– Я, наверно, долго... А это обязательно, чтобы оттопырились?

– Совершенно обязательно. Да ты не бойся. Когда подрастешь, это пройдет. У взрослых уши делаются обыкновенные.

– А у девочек и мальчиков у всех-всех такие, как...

– Как что?

– Ну... как у тебя?

– У всех, – с удовольствием сказал Ига. – Мы же не кнамы и не квамы. Это у них ушей почти незаметно...

– У к... кого незаметно?

– Ох, сразу видно, что ты здесь недавно... Это здешние жители такие. Ростом с палец. Живут в зарослях и у воды. Те, что в траве, называются кнамы, а те, что в норах по берегам —квамы. Кнамы бывают одуванчиковые, ежевичные, лютиковые и всякие другие. А квамы – ручейковые, камышовые, озерные... А еще бывают книмы, но они живут далеко в болотах и под землей, их почти никто не видит. Говорят, они похожи на гномов, с бородами и большие, мне до пояса...

Степка опять округлила коричневые глаза.

– Это ты по правде или... просто так?

– Просто так по правде. А что?

– Это же сказка...

Ига пожал плечами со снисходительностью старожил.

– Конечно, сказка. Здесь сказок с давних пор полным полно... Вот у моего знакомого, Генки Репьёва, говорящий ёжик живет. Многие тоже не верят: сказка, мол. А он все равно есть... Посторонних он стесняется, а при своих болтает не хуже нас с тобой...

Степка посопела.

– Жалко, что я посторонняя. А то послушала бы тоже.

Ну вот, теперь и не отвяжешься так сразу.

– Может и познакомишься... когда-нибудь.

– Хорошо бы. А когда?

– Не знаю. Сейчас Ёжик болеет, с температурой лежит...

«Ох, надо ведь добывать антибредин!» Лучше было поспешить, пока легкость в ногах и теле не растаяла совсем. Но... как его достать, надо еще придумать. А думать-то можно в любом месте, куда бы ни шагнул.

– Степка, а есть еще сказка! Могу хоть сейчас показать. Сразу поверишь!

– Что за сказка?

– Иногда в сумерках по городу бегают белые ноги. Большущие, вот такие. Говорят, лет двадцать назад перед стадионом стоял на возвышении гипсовый дядька со штангой. Его все звали «атлет Жора». А потом такие статуи из гипса начали везде ломать и его тоже сломали. А ступни от кирпичной подставки никак не могли отломать. Они там долго оставались, а потом им надоело, они ушли сами и стали бегать по темным улицам... – Ига передохнул и добавил: – Забавно, да?

Степка не заметила ехидства.

– А ты сам их видел?

– Сам не видел. Но видел следы. Ноги вроде бы тяжелые, а бегают совсем бесшумно и невесомо. Будто в них... антигравитация какая-то. И в следах она есть. Потопчешься в них и сам делаешься, как невесомый. Я вот совсем недавно... А след до сих пор там, на берегу...

– Ой.. правда, можно посмотреть?

Ига быстро прошелся по ней глазами – от растрепанной макушки до растоптанных сандалет. Вздыхнул, но не вслух, а про себя. Сбросил рюкзак и затолкал его в чашу у забора. Туда же бросил (с натугой) и утюг.

– Ладно. Давай твою лапу.

Она дала без задержки.

И так, держась за руки, они пошли к оврагу.

2

Конечно, прежде всего Ига думал о лекарстве.

«Может, попросить в аптеке взаймы? Сказать, что мама сильно заболела... Нельзя, накаешь еще. А про говорящего ежика кто поверит...»

«А что, если забежать домой к Анне Львовне и рассказать все как есть. И попросить двести рублей до родительской получки! Она-то наверняка поверит и даст. Хотя сроду такого не было, чтобы школьники занимали деньги у своих учительниц. Ужасно неловко... Наверно, это можно только в самом крайнем случае...»

А позади таких мыслей прыгали другие. Про Степку. И про него, про Игу.

Вот, полчаса назад они совсем не знали друг о друге, а теперь топают рядышком, сцепившись ладонями. «Забавно, да?» Что же такое с ним, с Игой, случилось? Ну, помог бедняге избавиться от зуба. А дальше?

Почему не ушел сразу? «Давай твою лапу...» Смех да и только! Зачем ему эта замурзанная малявка?.. Хотя не такая уж малявка, во втором классе, наверно, как Генка Репьев, но все равно... Что в ней такого? Нос, как у настоящего Степки, дырка от зуба, да пыльно-желтые волосы, торчащие вниз от макушки, будто у Страшилы из «Волшебника Изумрудного города»...

Чувство у Иги к Степке было сейчас такое же, как при мыслях о маленьком кнаме – смесь жалости и тревоги. Хотя, казалось бы, что похожего? Ведь не он чуть не прихлопнул Степку, а наоборот...

А она, небось, думает, что подружилась с мальчишкой всерьез (хотя даже имени его еще не знает). Ха! Вот это была бы дружба!

По правде говоря, о настоящем, крепком-крепком друге Ига мечтал часто. Но такого пока не было. Хороших приятелей полным полно – и в классе, и на улице. А вот самого верного, чтобы всё пополам и чтобы никаких тайн друг от друга... Ну не каждому в жизни так везет. Хотя есть счастливчики. Например, у них в пятом «Б» три друга по прозвищу Пузырь, Соломинка и Лапоть. Вот уж кого водой не разольешь! Ига им тайно завидовал и даже думал: не приклеиться ли как-нибудь к их компании? Но... не каждой тройке мушкетеров нужен свой д'Артаньян. А если и нужен, то не всякий. А навязываться Ига не привык.

А Степка – что за личность? Интересно, какие у нее дед и бабка? Хотя бы умыться как следует заставили внучку...

Он покосился на нее и сказал:

– Меня зовут Игорь. Или Ига...

Степка благодарно подышала у его плеча. И вдруг предложила:

– Ига, хочешь, я подарю тебе свой зуб?

– Зачем?

– Так просто. Или... бывает, что он для чего-нибудь нужен. Помнишь, Том Сойер на свой зуб выменял у Гека Финна клеща.

– Ты читала про Тома Сойера?

Она удивилась бесхитростно:

– А ты разве не читал?

«Я-то читал! А от тебя не ожидал...» Но ведь не скажешь так. И он отозвался дипломатично:

– А про кого ты еще читала? Какие книжки?

– Ну, разве я все вспомню! Про страну Оз, про Мюнхгаузена, Каштанку. Робинзона, царя Салтана, Королевство Кривых Зеркал... Это которые недавно... А, еще вспомнила! Про Гарри Поттера! Четыре книги!

– Ну и как? Про Гарри...

– Интересно. Только... как-то уж много там всего. Волшебные дела в голове перепутываются. А ты читал?

– Угу...

– Нравится?

– Ну... в общем да. Хотя иногда думаешь: чего уж они так своими чудесами хвастаются. У нас здесь тоже бывают...

Степка кивнула:

– Ну да! В той книжке ни кнамов, ни квамов нет. И гипсовых ног тоже...

Ига опять покосился на нее. Да, Степка была умнее и симпатичнее, чем на первый взгляд. Он даже подумал: не сказать ли ей это? Но сказал другое:

– Ладно, Степка. Давай мне твой зуб. А я тебе тоже что-нибудь потом подарю. Например кнамий шарик.

– А это что?

– Кнамы их из утренней росы делают. Трогают капли волшебными волосками, и те твердеют, как стекло. Или как лед, только не тающий... Такой шарик знаешь как полезен! Если он в кармане, тебя комары не кусают, колючки не жалят и даже дома почти не ругают, если загулялся на улице...

Ига спрятал Степкин зуб в глубокий карман и снова взял ее за руку. А Степка вдруг подпрыгнула:

– Ига, смотри! Будто змея-анаконда свернулась!

Посреди заросшей дороги лежала в лебеде могучая шина. То ли от «КАМАЗа», то ли от колесного трактора. В общем, великанская. Ига подбежал, вскочил, попрыгал на круглой пружинистой резине. Легкость все еще сидела в нем. Степка тоже вскочила. Тоже попрыгала. Сначала они скакали каждый сам по себе, потом посмотрели друг на дружку и... протянули руки. Длины вытянутых рук хватило как раз, чтобы, стоя напротив друг друга, сцепиться кончиками пальцев. Сцепились и со смехом запрыгали вместе.

Если бы совсем недавно кто-то пообещал Иге, что он, как резвый дошколенок, будет плясать на брошенной шине – посреди улицы, с малолетней девчонкой! – он бы... да, он бы только пальцем покрутил у виска. А теперь – вот! И главное, совсем не стеснялся!

Наконец они спрыгнули внутрь шины. Степка сказала, весело дыша:

– Откуда тут эта штука? Здесь и машин-то не бывает.

– Наверно, кто-то где-то нашел и покатыл к себе. А потом бросил, потому что надоело...

– А зачем она нужна?

– Иногда большие парни такие шины зажигают на лужайках вместо костра. Одной хватает на всю ночь. Сидят вокруг и голосят под гитару. Или танцуют под магнитофон...

– А еще она, что бы прыгать вот так! Да?

– Да!

– А сейчас она ничья?

– Конечно! Раз валяется...

– Давай тогда укатим ее в наш двор, чтобы не сожгли. А потом еще попрыгаем!

– Думаешь, справимся?

– Ну, попробуем! А?

Не очень-то нужна была Иге эта резиновая громадина. Но огорчать Степку не хотелось. После того, как только что дружно плясали вдвоем... «Назвался груздем...»

3

Самое трудное было поставить шину на ребро. Ига отыскал в репейниках оторванную от забора доску. Подтолкнул один конец под тугой резиновый бок «анаконды». Другой конец поднял до пояса.

– Степка присядь, поддержи плечом. Это не тяжело, потому что рычаг...

Степка – молодец, все сделала как надо. А Ига упал рядом с шиной, сунул плечо под приподнявшийся край. Уперся в травянистую землю ладонями, поднатужился, встал на четвереньки. Степка бросила бесполезную теперь доску, сунула свое плечико рядом с Игой.

– Уйди, тебя раздавит! – (И опять вспомнился кнам-одуванчик).

– Не, я сильная...

Вдвоем они подняли чудовище. В стоячем положении удерживать его было нетрудно. А вот катить... В переулке был небольшой уклон – оврагу, – а толкать шину полагалось в другую сторону, к Степкиному двору.

– Ну, взяли, – скомандовал Ига. И подналег. Шина была ростом выше, чем он. Степка пристроилась рядом. Но вдруг отчаянно завопила! Отпрыгнула! Ига с перепугу отпустил шину. Степка, согнувшись, прыгала на правой ноге, а за левую держалась двумя ладонями под коленкой. И подвывала.

– Что с тобой?!

– Ужалил кто-то! Ы-ы-ы... Ой, держи! – Она вытянула руку.

Оказалось, что шине надоело стоять без поддержки. Но она решила не падать, а не спеша двинулась вниз по переулку. Ига секунды две смотрел обалдело. Что делать? Чудовище ловить или Степке помогать?

– Лови! – заголосила Степка. Но было поздно. Могучее резиновое колесо поднабрало ход. Сзади хватать – бесполезно, не удержишь. Спереди – себе дорожке, сомнет в лепешку. И свободная от ловцов шина резво (несмотря на вес!) запрыгала по Земляничному проходу.

Ну и прыгала бы, леший с ней! Но ведь неприятности всегда одна к одной. Из калитки в заборе выдвинулась в проход тетя необъятных размеров. Неторопливая и уверенная в себе. Сделала несколько шагов на дорогу. Шину она не видела.

– Берегись! – в два голоса взвыли Ига и Степка.

Тетя наконец заметила опасность. И вот ведь ненормальная! Ей бы сделать два шага назад – время еще было, – так нет же! Остановилась, подняла руки к щекам и завизжала так, что прогнулись ближние заборы. «Капут», – с ужасом понял Ига.

Но шина оказалась умнее толстой тети. Или просто не вынесла сирены. Она вильнула, пронеслась в полуметре от раздутого визгом бока и помчалась дальше.

Но сворачивать еще раз шина не хотела. А Земляничный проезд не очень-то прямой. Шине взять бы левее, и тогда открытый путь к оврагу. Но она неслась по прямой, пока не грянулась о изогнутый дугою забор. За этим забором стояла приземистая банька. Шина с маху повалила доски забора на баньку, взлетела по ним, как по горке, на двускатную крышу, а с нее, будто с трамплина, сиганула в огород.

В баньке мылся ее хозяин – ветеран и член союза «Наши силы» Капитон Климентьевич Калашный. Услышав могучий удар и ощутив сотрясение, как от бомбы, он решил, что – наконец-то! – и в этом тихом краю началась война. Теперь можно будет свести счета с внешними и внутренними врагами. Натянув бязевые кальсоны пехотного образца, Капитон Климентьевич выскочил наружу. Но в безоблачной синеве не было никаких летательных аппаратов, не пахло ни тротилом, ни гексагеном.

– Провокация! – громко сказал в пространство оскорбленный ветеран.

Шину он не заметил. Потому что ее уже и не было. Прыгнув с крыши, она аккуратно прокатилась между помидорными грядками, не задев ни одного растения, затем в дальнем конце огорода сшибла плетень и ухнула в овраг. Там она домчалась до Говорлинка и наконец улеглась, решив отдохнуть в прохладных струях.

Там она и лежит до сих пор.

В первый день ее не было видно под водой, но скоро квамы разобрали плотину, уровень понизился и черное тугое колесо заблестело на солнце. Квамы сразу приспособили его к делу. Внутри, где застаивалась теплая вода, оборудовали купальный бассейн для малышей. А снаружи устраивали на резиновом кольце круговые гонки на самокатах. Конечно, это делалось по ночам, когда рядом не было никого из великанского человеческого племени...

Впрочем, все это Ига и Степка узнали гораздо позже. А в тот момент, когда шина вильнула на дороге, Ига скомандовал: «Ноги!» – и они вдвоем рванули вдоль по Земляничному проезду, а потом за угол, в Утиный переулок. Отдыхались только через два квартала, у киоска, где принимают пустые бутылки (называется он «Стекляшкина будка»)

– Эта тетка – известная во всем Заовражье скандалистка, – выдохнул Ига. – И, наверно, она меня узнала...

– Попадет?

– Не исключено, – буркнул Ига. Хотя знал, что сильно не попадет.

Степка вдруг опять ойкнула, всхлипнула, ухватила поджатую ногу.

– Что случилось-то? – вспомнил Степка.

– Пчела, наверно...

– Покажи, – он присел..

У Степки под коленкой был черный игольчатый прокол, а вокруг набухла розовая опухоль.

– Похоже, что не пчела, а оса... – Ига озабоченно свел брови. Среди ос попадались «гадостные», как выражался Казимир Гансович. Они были не местные, а прилетали иногда издалека, от Ново-Груздева. С такими шутки плохи, если нет в кармане кнамьего шарика.

– Сильно болит?

– Ага...

– Пойдем! Тут недалеко одна бабка живет, она поможет...

Бабка Анастасия Ниловна жила в сотне шагов от Стекляшкиной будки. Занималась тем, что собирала и сдавала пустые бутылки да еще помогала хворым соседям всякими снадобьями и ворожбой. Был у бабки сострадательный характер, никому не отказывала. Пенсионерам смягчала радикулитные страдания и денег не брала. Ребятам охотно лечила шишки и ссадины. При этом, правда, говорила: «Уж не знаю, что получится. Я ведь не то, что моя знакомая Ядвига Шишковна, у нее высшее образование, а я самоучка...»

Три окна вросшего в землю домика нижними краями прятались в траве. Ига постучал в левое. За стеклом отдернулась занавеска. Створки разошлись.

– Кого Бог послал?

– Баба Настя, добрый день! Девочку оса клюнула. Нога распухает...

– Ох вы, сердешные. Ну-ко, лезьте сюда, – бабка растворила окошко пошире.

Ига, цепляясь за цветастую занавеску, проворно перебрался через подоконник, помог Степке (она похныкивала, но сдержанно).

Комнатка после яркого света улицы казалась полутемной. Поблескивали в углу иконы. Пахло пустырником и полынью. По всем стенам висели гирлянды из сухих трав и ягод, на полках громоздились бутылки. Хозяйка по виду была добродушная толстенная бабушка. И голос добрый. Она включила яркую лампу с рефлектором, направила свет на Степкину ногу, нагнулась с кряхтением.

– Ишь ты как впиласть злыдня окаянная... Ладно, сейчас мы это мигом... Конечно, лучше бы, если бы Шишковна лечила, до где она теперь...

Бабка выпрямилась, отыскала на дощатом столе плоскую склянку, плеснула из нее на ладонь. Потерла припухшее место. Степка ойкнула.

– Неужто больно? Потерпи, сейчас пройдет.

– Уже не больно. Щекотно только...

– Потерпи, потерпи. Сейчас... – Анастасия Ниловна опять шагнула к столу. На досках лежала большущая пухлая книга, придавленная чугуном утюгом. Бабка убрала утюг, достала из книги сушеный травяной лист, приложила к смазанному месту.

– Ну-ка, придержи, голубушка. – Из кармана клетчатого фартука вынула моток бинта, ловко примотала лист к Степкиной ноге.

– Погуляй так до вечера, и все забудется...

Ига, как увидел, сразу вспомнил Генку Репьева с повязкой на колене. И все остальное! Ох, балда! Пляшет, развлекается, а Ёжику-то каково!

– Баба Настя! У вас не найдется антибретина? Или другого похожего лекарства. У Генки Репьева, ну, у того, который стихи сочиняет, Ёжик заболел, в жару лежит.

Анастасия Ниловна сокрушенно развела руками.

– Нету, голубчик. И как ежиков лечить, я не обучена. Его бы к ветеринару. Да я даже и не знаю, есть ли он у нас в Репейниках. Надо, наверно, в Ново-Груздев...

Ига только головой мотнул. При чем здесь ветеринар! Ёжик-то не простой, говорящий.

– Ладно, спасибо, баба Настя. Мы пойдем...

Степка тоже сказала спасибо. И покачалась на забинтованной ноге. Боль, видно, совсем прошла.

– На здоровье, голубчики. Заходите, ежели чего...

– Обязательно. Мы вам бутылку принесем, – пообещал Ига.

– Добрая ты душа, Игорек, – сказала бабка. Надо же! Оказывается, помнит, как его зовут.

Анастасия Ниловна, поднатужившись, подняла утюг и опять придавила им книгу. А Степка шепнула Иге:

– Смотри, такой же, как тот.

Анастасия Ниловна уловила, что речь об утюге. Покивала, погладила чугунную ручку.

– Славный утюжок, для здоровья полезный. Я им спины грею, у кого позвоночная болезнь остеохондроз. Всегда помогает. Долго такой искала, а потом смотрю: продается в лавке, где железный мальчонка в окошке. У Валентина Валентиныча. Ну, наскребла денег, и вот...

Степка приоткрыла было рот. Ига толкнул ее локтем. Степка понятиливо хлопнула губами.

На улице Ига сказал:

– Я знаю, ты хотела спросить: не нужен ли бабе Насте еще один утюг?

– Ага. А что? Мне-то он совсем ни к чему, зуба уже нету. А она меня вон как за одну минутку вылечила! – И Степка опять подскочила на ужаленной ноге. – Забавно, да?

– Забавно. Только у нее утюг уже есть, а этот... если он тебе по правде не нужен, давай отнесем в лавку, где торгуют старинными вещами. Называется – антикварный магазин «Два рыцаря». Может, утюг там купят, и будут деньги на лекарство для Ёжика.

Степка подпрыгнула вновь:

– Давай!

Кинокамера «Mefisto»

1

Игин рюкзак снова оставили в лопухах. Никто его здесь не увидит. А если и увидят, не возьмут. Жулики в Малых Репейниках не водились. Разве что изредка появлялись пришлые, но такие в лопухах не шарят...

Утюг надели на палку, которую Ига подобрал в канаве. Взяли ее за концы, чтобы нести тяжесть вдвоем. Конечно, Ига сдвинул утюг поближе к себе – принял главную нагрузку. Степка шагала впереди и этого не заметила.

Ига насвистывал. Славно, когда есть надежда на хороший исход трудного дела. Степка двигалась вприпрыжку. Не оглядывалась, но даже со спины было видно, что она рада быть участницей такой важной операции. И что ловкий, умелый, храбрый Ига принял ее в товарищи!

Дорога была не близкая, на Кожевенную улицу, это почти в самом центре. Ну, ничего, дошагали.

Антикварный магазин «Два рыцаря» располагался в первом этаже двухэтажного кирпичного особняка с чугунными балконами и башенками на углах (таких домов в городке было немало). Давным-давно здесь жил богатый купец Тягушинский, а сейчас не жил никто. Вверху находилась страховая компания «Камышовый кот», а на первом этаже торговал всякими старыми предметами владелец магазина Валентин Валентинович Клинь.

Фамилия Клинь вызывает представление о чем-то длинном и остром. Но Валентин Валентинович был кругловат, невысок и добродушен лицом. Да и характером тоже. В душе он всегда оставался коллекционером, а не коммерсантом. Поэтому и к магазину своему относился скорее как к музею, а не как к месту, где получают прибыль. Бывало, что уговаривал покупателя, пожелавшего купить что-то интересное:

– Голубчик, да зачем вам эта рухлядь?.. Ну и что же, что восемнадцатый век? Смотрите, здесь трещина, тут позолота облезла. Поверьте, эта вещь совершенно не украсит ваш современный интерьер. А здесь она на своем месте. Люди приходят, смотрят...

Посмотреть в магазине «Два рыцаря» было на что. Стояли на полках столетние граммофоны с гигантскими трубами разных форм, тикали и вскрикивали кукушкиными голосами часы в резных деревянных шкафчиках, блестели статуэтки фарфоровых дам и кавалеров, ветвистые подсвечники, причудливые письменные приборы, стеклянные и фарфоровые вазы. Чернели чугунные Донкихоты, вздыбленные лошади и бюсты знаменитостей. Светились таинственной розовой глубиной заморские раковины. К стене был прислонен древний велосипед с двухметровым передним колесом, а в углу стояла могучая алебарда городского стражника шестнадцатого века...

Валентин Валентинович не очень любил продавать, но покупать старинные вещицы любил очень. Окрестные мальчишки это знали. Они то и дело несли к «Двум рыцарям» медные печати и монеты, чугунные купеческие весы-коромысла, массивные стеклянные чернильницы, фигурные бронзовые ручки от дверей и всякие другие находки с пустырей и овражных осыпей. Валентин Валентинович загоревшимися глазами осматривал принесенный диковинку, кричал и честно расплачивался, если продавец не заламывал лишнюю цену. А если заламывал, владелец «Двух рыцарей» торговался, но тоже честно, без обиды для хозяина находки.

К юным жителям городка Валентин Валентинович относился с пониманием и симпатией. Позволял им подолгу околачиваться в магазине, разглядывать и брать в руки всякие редкости – например, подзорные трубы нахимовских времен или оловянных солдатиков, которыми играли прадедушки.

Только на одну просьбу он всегда отвечал отказом – если кто-то из лопухастых посетителей хотел надеть не себя стоявшие в витрине рыцарские латы. Даже шлем примерить не дал ни разу.

Латы не были старинными. Валентин Валентиныч смастерил их из жести, кусков алюминия и оцинкованной круглой канистры. Как он сам говорил – «для создания романтической атмосферы, пущего привлечения посетителей и оправдания вывески». Выглядели доспехи впечатляюще, хотя и были не взрослого размера, а ростом со школьника, вроде Иги. Валентин Валентиныч поместил этого пустотелого рыцаря-мальчишку в низко расположенном окне с широким стеклом. А чтобы жестяной пацан не скучал, позади него установил высокое зеркало. С улицы казалось, что рыцарей двое.

Однажды пришел в магазин энергичный режиссер детской театральной студии «Семеро козлят». Просил дать латы на пару дней для спектакля «Синяя борода и рыжий хвост». Но и ему хозяин отказал.

– Понимаете, голубчик, сооружение непрочное, к переноске не приспособленное. Да к тому же... отражение в зеркале будет скучать, если его товарища куда-то унесут.

Режиссер вытаращил глаза.

– Но позвольте. Какое отражение, когда доспехи из витрины уберут? Оно тоже исчезнет!

– Как знать, как знать... – Валентин Валентиныч развел руками. – В Малых Репейниках случается всякое...

Вот в такое интересное заведение и шагали Ига и Степка с утюгом на палке.

В «Двух рыцарях» в тот час никого не оказалось. Кроме хозяина. Ига сказал «здрате, Валентин Валентиныч» и без долгих предисловий поинтересовался, не нужен ли магазину великолепный старинный утюг чугунного литья братьев Алексеевых одна тыща восемьсот семьдесят седьмого года.

– М-м... Позвольте взглянуть... Да, вещь без подделки. Ну и сколько вы хотели бы получить за сей раритет?

– Двести рублей!

Валентин Валентиныч присвистнул.

– А чего? – жалобно сказал Ига. – Вон ведь какой тяжелый...

– Голубчик! Вы же не металлолом на вес сдаете! Там, кстати, вам дали бы два рубля. А я предлагаю сорок.

– Не... Нам надо двести.

– Сударь мой. К лицу ли сыну уважаемого инженера Егорова устраивать столь недостойный торг? Я даю настоящую цену, уверяю вас! – Валентин Валентиныч знал многих ребят: кто, чей и как зовут.

– Мы же не для себя, – вдруг храбро пискнула Степка.

– Вот как? А для кого, позвольте полюбопытствовать?.. Кстати, кто вы, сударыня? Я вас раньше никогда не встречал.

– Это Степка. То есть Степанида, – сумрачно разъяснил Ига. – Мы с ней тащили эту тяжесть через весь город, чтобы раздобыть деньги на лекарство...

– Ах, вот какая ситуация! А кто заболел?

– Генки Репьева Ёжик заболел. Весь в жару. Ему антибредин нужен и больше ничего. А это как раз двести... – Ига стал смотреть в угол намокшими глазами.

– Минутку, минутку! Значит, вопрос упирается в этот медицинский препарат? У меня есть почти целая облатка! Я использовал всего две таблетки, когда месяц назад неосторожно посидел на сквозняке и схватил ангину...

Вот удача-то! Ига просиял.

– Спасибо! А мы потом достанем деньги и принесем!

– Как вам не стыдно, молодой человек! Я торгую антик-вари-а-том, а не лекарствами! Медицинскую помощь я всегда готов оказать без-воз-мезд-но... Особенно славному Ёжику, с которым давно знаком, так же, как и с его другом, юным поэтическим дарованием. Между прочим, Геночка зимой сочинил про мой магазин весьма недурные стихи Вот... – Валентин Валентиныч встал в позу чтеца на сцене. —

В редкостях приятно рыться
В магазине на Кожевенной,
Где стоит в окошке рыцарь
Рядом с храбрым отражением...

Я даже одно время использовал эти строчки в рекламном объявлении, которое рыцарь Витя держал в своей железной перчатке... Это я его так зову – Витя. А отражение – Митя... А Геночке я весьма обязан и почитаю своим долгом... Да! Но где же антибредин? – Валентин Валентиныч сменил позу и стал обычным растерянным старичком, который что-то суетливо ищет на столе.

Длинный, на массивных точеных ногах стол был одновременно и прилавком. С краю стоял кассовый аппарат (как и всё здесь – старинный), а по всей дубовой поверхности были раскиданы бумаги, толстые книги в кожаных корках, шкатулки, театральные бинокли и еще много чего. В общем, порядок такой же, как на столе у Иги. Валентин Валентиныч торопливо перебирал все это хозяйство. В магазине было темновато – зеркало в окне загораживало уличный свет – и над прилавком светили две лампочки. Они яркими зайчиками отражались в лысине хозяина магазина. Тот поднял черный ящичек с круглым стеклом и рычажками. Под ним наконец обнаружилось лекарство.

– Ага! Вот! Прошу...

Ига, благодарно сопя, сунул пакетик с таблетками в карман.

– Валентин Валентиныч, а утюг вы все-таки возьмите, ладно? Чтобы нам не тащить обратно. В нем, наверно, полпуда...

– Гм... А если я попрошу вас отнести его совсем недалеко?

– Куда? – сказал Ига и охнул про себя.

– Совсем-совсем рядышком! В городской музей, к Якову Лазаревичу Штольцу. У меня-то, по правде говоря, этого добра достаточно... – Владелец «Двух рыцарей» зажатый в руке черным ящичком показал на полки.

– А в музее разве такого нет? – несмело удивилась Степка.

– Есть! И предостаточно! – словно обрадовался Валентин Валентиныч. – Но, если вы принесете данный экспонат и скажете, что в дар от меня, это будет как бы... ну, скажем, этакий жест. Да! Милейший Яков Лазаревич упрекает меня, что я давно уже ничего не жертвовал музею, хотя должен делать это, как давний житель и патриот Малых Репейников. Во-первых, он не совсем прав, а во-вторых... не могу же я передать музею половину товарного фонда! Я все-таки коммерсант!.. Ну и вот... А утюг – это своего рода политический ход и в тоже время... как это? Под... под...

– Подначка! – догадался Ига.

– Именно! Именно! С одной стороны это никакая не историческая ценность, а с другой – весьма увесистый дар!

«Да уж, увесистый», – мысленно согласился Ига, глядя на лежащий у ног утюг бр. Алексеевых. Но не отказываться же! Особенно, когда антибредин в кармане...

2

Всем было известно, что два старых холостяка – Клин и Штольц – вечные друзья-споришки. Дружили они со школьных лет, а спорили из-за предметов старины. Старину любили оба. Но Яков Лазаревич заведовал Краеведческим музеем и на всякие антикварные вещи смотрел, как на экспонаты. Валентин же Валентиныч, был, как известно, торговец – хотя и не очень оборотистый, но со своим интересом. Порой он отдавал в экспозицию кое-что из магазинного фонда и даже (ходил такой слух) завещал передать музею после своей кончины все имущество. Но пока он, несмотря на преклонный возраст, покидать наш грешный мир не собирался. И директор Штольц этого (упаси Господи!) и не хотел. Но он, директор, хотел, чтобы родной музей делался все интереснее (и даже переплюнул бы ново-груздевский!). И потому он время от времени заводил в магазине такие вот разговоры:

– Валечка, ну зачем тебе этот портрет неизвестного художника, где такой несимпатичный бородатый тип?

– Не тип, а почетный гражданин Малых Репейников, купец первой гильдии Климентий Фомич Тягушинский, который, кстати, двести лет назад построил этот самый дом.

– Ну и построил. Ну и что? Сейчас-то он здесь зачем? А в музее он был бы на самом подходящем месте. Там галерея почетных граждан, и он стал бы ее украшением!

– А ты знаешь, во сколько обошлось мне это «украшение»?

– Ну и во сколько?.. Ну и что?.. По-моему, ты пока не похудел от голода...

– Ты намекаешь на мою комплекцию? Это свинство! Если я не такой костлявый донкихот, как некоторые, это не значит, что...

– Валечка, извини, я не намекаю! Я только хотел сказать, что, в конце концов, если портрет очень тебе понадобится, я ведь могу и вернуть. Я...

– Ага, от тебя дождешься!

Директор Штольц – худой, с козлиной бородкой и сияющими очками – выпрямлялся:

– Сударь, я по-моему, ни разу не имел случая дать вам повод для упреков в нечестности. Вы... господин Клин... злопыхатель!

– А вы, господин Штольц, скан-да-лист!

– А вы... вы... я не побоюсь это слова – сквалыга! Да!

– Это после того, как я снабдил экспонатами целый зал девятнадцатого века!

– Ха. Ха. Ха! Зал! Закуток! Я сегодня же верну эти экспонаты в вашу лавку старьевщика!

– В вашем чахлом музее нет грузовой машины!

– Я притащу их на себе! Принципиально! Пусть весь город видит, какой барышник содержит свою торговую точку на одной из центральных улиц! А эта заплесневелая парсуна (которая мне вовсе не нужна, тьфу!) пусть висит здесь и спрашивает тебя укоризненными глазами: «Что вы имеете в душе, господин Клин? Совесть или кассу?»

– Если у меня в душе касса, то у вас, господин директор... Да забирай ты, забирай этот окаянный портрет!.. Скоро я поставлю специальную электронную систему, чтобы не подпускала тебя к магазину на мушкетный выстрел.

– А каким способом определишь дистанцию? У тебя среди товаров есть мушкеты?

– Не надейся, не покажу... И как я терплю тебя шестьдесят с лишним лет?!

– Между прочим, я тебя терплю ровно столько же... Поможешь упаковать?

– Успеешь...

Валентин Валентиныч запирает дверь и вешал на перчатку рыцаря Вити табличку: «Извините, закрыто на санитарный час». Потом вел слегка смущенного школьного друга в заднюю комнатку. Доставал из шкафчика плоскую бутылочку с этикеткой «Репьевская классическая» и две рюмки из розоватого стекла.

– Между прочим, – не мог удержаться он, – знаешь, что за рюмки? Из посудного набора местного предводителя дворянства Ивана Апполинарьевича Штандарт-Полуспинова!

– И ты используешь их для какой-то современной бормотухи!

– Сам ты бормотуха! Репьевскую только из таких и пить...

– Все равно! Им самое место не здесь, а в витрине «Предметы дворянского быта времени нашествия Бонапарта».

– Если не перестанешь, не дам ни глотка.

– Изверг...

Ну и так далее.

А сейчас Валентин Валентиныч решил, судя по всему, по-приятельски похихикать над директором музея. Он поскреб лысину уголком черного ящичка и посоветовал:

– Вы не слушайте, какие слова он будет просить передать мне, а сразу попрощайтесь и быстро-быстро шагайте домой.

– Ладно... А что это у вас в руке? – не сдержал любопытства Ига. – Старинный фотоаппарат?

– Не фото! Это кинокамера! – тут же оживился владелец «Рыцарей». – Уникальная вещь. Марка «Мефисто», французское производство, двадцатый год прошлого века! Вот, извольте взглянуть!

3

На передней стенке камеры, повыше маленького объектива была оттиснута на металле фигурка худого черта и надпись «Mefisto», а пониже – Paris 1920. И еще какие-то мелкие, уже неразборчивые буковки. Степке, видать, было так же интересно, как Иге. Она с любопытством дышала у его уха. Потом вскинула глаза

– Разве тогда делали такие маленькие?

– Представьте себе! Уже в ту пору было немало кинолюбителей. Особенно за границей. Правда, техника была еще не очень... Эта камера снимала на широкую пленку, как для больших фильмов. Узкоплёночных аппаратов в те годы, видимо, не было. Кассеты сюда помещались маленькие, вот... – Валентин Валентиныч откинул крышку, показал два жестяных цилиндрика. – Одной кассеты хватало всего на пятнадцать секунд, приходилось то и дело перезаряжать. Ну и тем не менее! Снимали, оставляли, как говорится, память для времен грядущих...

– А вам эту камеру продали уже без пленки? – спросил Ига.

– А мне, голубчики, ее не продали. Это не товар, а можно сказать, память детства.

Ига замигал. Валентин Валентиныч Клин был стар, но не настолько же!

Тот засмеялся:

– Нет, когда ее сделали, меня еще не было. А вот в сороковом году... Да и тогда эта самая «Мефисто» принадлежала не мне, а ребятам, которые были постарше. Помню, что они многие свои дела снимали на кинопленку. Очень дружная тройка была, так их и звали – «три мушкетера». Боря Соловейко, Вилька Аугенблик и Юрик Рубашкин. Все из одного класса. Они вечно что-то затевали, что-то мастерили – то модель самолета, то воздушных змеев, то паровую машину из самовара и противопожных трубок. Шуму было, когда она лопнула!.. А потом затеяли строить корабль из автомобильных камер. С парусом. Хотели отправиться в путешествие по Плавням. По протокам Гусыни...

Степка опять вскинула глаза:

– А вы тоже были с ними? – и почему-то быстро глянула на Игу.

– Увы, я с ними не был. Им было по двенадцать, а мне семь. Я всей душой желал подружиться с «мушкетерами», но они, конечно, смотрели на меня сверху вниз. Не прогоняли, если

крутился рядом, даже давали иногда подержать нитку змея или разрешали пнуть по футбольному мячу, но к серьезным делам не допускали... Видели во мне малявку. Да я и в самом деле был таким... Могу даже показать. Хотите?

Ига понимал: надо бы скорей бежать к Генке и Ёжику. Но... ведь одна минута! Только взглянуть! Неужели Валентин Валентиныч был когда-то семилетним Валькой? И сейчас его – такого! – можно будет разглядеть? В этом вдруг почудилась тайная связь времен. А может быть – разных пространств. Та самая, что иногда ощущалась в Конструкции (если за окном проезжала машина или хлопала дверь; маятник вздрагивал и начинал тикать громче). Сейчас вдруг сердце затюкало громче. Степка часто дышала рядом – тоже ждала...

Валентин Валентиныч с полки, где стояли граммофон и покрытая мозаикой шкатулка, достал выпиленную лобзиком рамку. В ней – фото размером с открытку. На фото испуганно раскрыл глаза и сжал губы пацаненок лет семи-восьми. С тонкой шеей, узенькими голыми плечами, с редкой белобрысой челкой, у которой торчала вверх одна прядка. Снимок был желтый, но четкий. Виднелись даже чешуйки шелушащейся кожи на краях ушей. Уши круглыми крылышками торчали по сторонам узкого, с треугольным подбородком лица.

«Господи, неужели это *он* ? И... неужели я когда-нибудь буду такой, как *он сейчас* ?.. А уши у него теперь *какие* ?»

Ига не выдержал, глянул украдкой. Уши были обыкновенные, взрослые. Слегка сморщенные от старости.

Валентин Валентиныч заметил Игин взгляд.

– Да, голубчик, и я был когда-то лопухастым... И те трое тоже. Жаль только, никаких фотографий с ними у меня нет.

– А в путешествие по Плавням они ходили? – сказал Ига, слегка краснея.

– Увы, не успели. Началась война, стала не до того...

– А они... теперь живые? – шепнула Степка у Игиной щеки.

– Боря Соловейко зимой сорок пятого, шестнадцати лет, сумел попасть на фронт и погиб где-то под Берлином. Юрик Рубашкин умер в семьдесят первом от лейкоза, он облужился на каких-то испытаниях. А про Вилю Аугенблика не знаю. Осенью сорок первого всю их семью отправили куда-то в ссылку. Хотя, казалось бы, куда еще можно ссылать дальше нашей провинции...

– А почему их отправили? – насуплено спросил Ига.

– Ну, они же были немцы. Хотя все родились в России и сроду не видели никакой Германии, а все равно... Тогда всех немцев отправляли куда подальше, мели общей метлой. Едва ли Вилька выжил в северной глуши, в голоде...

Валентин Валентиныч взял фотоснимок. Глядел на него и скреб пухлый (совсем не треугольный!) подбородок. Надо было идти. Но просто сказать «до свиданья, мы пошли», Ига почему-то не решался. Вместо этого неловко сказал:

– А камера... она как к вам попала?

– Мне подарили ее родственники Юрика Рубашкина, когда перебирались из нашего города в Подмосковье. Лет десять назад... Раньше-то Юрик с родителями жил в Москве, отец его работал в Комиссариате иностранных дел, часто ездил за границу, оттуда и привез эту штучку сыну в подарок. А в тридцать седьмом его отправили в концлагерь, сказали: раз бывал в буржуйских странах, значит, шпион. Такие вот были времена, вы, наверно, про это слышали... Хорошо еще, что жену не посадили, выслали с сыном, с Юриком в наш город... Так и камера здесь оказалась... Жаль, что ни одна отснятая кинолента не сохранилась. А то как здорово было бы взглянуть на них снова, на живых... Да и я там, возможно, мог бы промелькнуть... Ну, ладно, кажется, ко мне идут покупатели. Привет Якову Лазаревичу. И – бегом к Ёжику...

Трое с «Репейного беркута»

1

И опять Ига и Степка – с утюгом на палке – зашагали по Малым Репейникам. Музей находился не столь уж близко от «Двух Рыцарей». Они миновали вновь отстроенную Никольскую церковь, старинные торговые ряды, где теперь блестели стеклами современные киоски, протопали мимо трехэтажной Городской управы с курантами и свернули на Историческую улицу.

Здесь, в двух шагах от музея, Ига и Степка встретили трех друзей. Только их звали не «мушкетеры», а Пузырь, Соломинка и Лапоть...

Надо сказать об этих людях несколько слов.

Понятно, что свои прозвища они получили от героев известной сказки. Но в сказке эти персонажи дружить не умели и кончили плохо: соломинка сломалась, лапоть утонул, а пузырь лопнул от хохота. А нынешним друзьям из пятого «Б» такая судьба не грозила – они были горой друг за друга.

Славка Пузырев и Коля Соломин дружили с первого класса. И тогда их никто еще не называл Пузырем и Соломинкой. Потому что Славка не был пухлым и надутым, а Коля длинным и тонким. Оба они были обыкновенные. Оба одинаковой толщины, оба, как положено, лопухастые и даже похожие друг на друга – рыжеватые и со вздернутыми носами (только Славка с прической-ежиком, а Коля – длинноволосый). Стасик присоединился к ним позже. Кстати, он был не Лаптев и даже не Башмаков или, скажем, Обувкин, а Полуэктов, сын известных в городе художников-реставраторов (они восстанавливали фрески в главном соборе Вознесенского монастыря).

Прозвище он заработал позапрошлой весной. Тогда в третьем «Б» заболела учительница Ольга Ивановна, и на ее место прислали другую – Лилию Кузьминичну. Пригласили с пенсии (а что было делать?). Громкоголосая, крупных размеров Лилия не была похожа на добродушную пенсионерку. Она тут же принялась наводить порядок. («Хотя бы к концу учебного года сделаю из вас людей!») Начала она «очеловечивание» почему-то с того, что запретила кроссовки с застежками-липучками.

Был уже теплый (как в нынешнем году) май, почти все мальчишки ходили на уроки в кроссовках. Новенькие кроссовки не всегда плотно держались на ногах, приходилось иногда на ходу их застегивать потуже. Липучки – тр-р-р, тр-р-р... Это нравилось. Случалось, что и на уроках: спустит заскучавший от математики третьеклассник руку под парту, дотянется до хлястика и давай потрескивать.

Лилию Кузьминичну этот треск выводил из себя (наверно у нее был такой сорт аллергии, а кнамьего шарика не было; к тому же, взрослым шарик не всегда помогают). Наконец она заявила:

– С завтрашнего дня – никаких кроссовок. Кто явится в них еще раз, пойдет домой с двойкой по поведению в дневнике!

Класс, где мальчишек было две трети, забузил:

– А в чем ходить-то?!

– А если больше ничего нет?!..

– В чем угодно! Только не в этом трескучем безобразии! – И Лилия Кузьминична с размаха припечатала к столу крепкую ладонь. Народ боязливо притих, но кто-то все же пискнул в тишине:

– Хоть в лаптях?

– Хоть в лаптях!

Назавтра пришли кто в сандалиях, кто в полуботинках, кто в кедах. А Стасик Полуэктов...

Народ восторженно ахнул. Стройный большеглазый Стасик – этакий образцовый третьеклассник в отглаженном летнем костюмчике с белым воротничком и черным бантиком – оказывается, воспринял слова строгой учительницы буквально. Его тонкие ноги были до колен обмотаны белоснежными вафельными полотенцами, а полотенца крест-накрест перехвачены мочальным лыком. На ступнях красовались новенькие желтые лапти. Небольшие, хотя для Стасика и великоватые (слегка хлюпали).

Стасик невозмутимо пошел в класс. Одноклассники двинулись следом, замирая от догадок: чем это кончится?

Кончилось тем, чем полагается. Лилия Кузьминична увидела третьеклассника Полуэктова еще в коридоре, и внутри у нее забурило. Она устремилась к лаптям палец:

– Это! Как! Понимать!?

– Но вы же сами вчера сказали...

Она ухватила Стасика за плечо и повлекла к директорскому кабинету. Шлепая лаптями о паркет и придыхая, Стасик заявил:

– Будьте добры, отпустите, пожалуйста, мое плечо. Школьников нельзя хватать и толкать, это запрещено Конституцией...

– Я... тебе... покажу... Конституцию! – Она рванула дверь и впихнула несчастного Стасика в кабинет. – Вера Евгеньевна! Вот! Видите?!

Директор Вера Евгеньевна аккуратно воздвигла на лоб очки. Она работала в Малореппёвской школе номер два сорок лет и привыкла ничему не удивляться. Седая, похожая на пожилую актрису, она вздохнула:

– Здравствуйте, Лилия Кузьминична.

– Здравствуйте!.. И взгляните... на это!

– *Это*, по-моему, Стасик Полуэктов из третьего «Б». Здравствуй, Стасик...

– Здравствуйте, Вера Евгеньевна...

– Но разве вы не видите, что у этого *Стасика* на ногах?!

– По-моему, лапти... Стасик, что это ты вдруг так обулся?

– Извините, но в кроссовках нельзя, а больше ничего нет. Лилия Кузьминична сама вчера сказала, что можно в лаптях!

– Но нельзя же так идиотски воспринимать гиперболу! – взвинтилась его наставница.

– Гм... третьеклассники, по-моему, еще не проходили гиперболы... А, собственно, в чем проблема?

– Отправьте его немедленно домой!

– Но, Лилия Кузьминична, скоро урок. И к тому же... я не имею права. В школьном уставе не сказано, что нельзя ходить в лаптях. Да и что такого? Пусть ходит, если нравится. Дело вкуса...

– Но если все начнут...

– Все не начнут, – успокоила Вера Евгеньевна. – Лилия Кузьминична, задержитесь еще на минутку, а ты, Полуэктов, иди на урок...

Всю последнюю неделю мая Стасик Полуэктов ходил по школе в лаптях. Все привыкли к этому довольно быстро. Наградили Стасика прозвищем «Лапоть» и больше не обращали внимания. Только Славка Пузырев и Коля Соломин, продолжали поглядывать на Стасика с уважительным интересом. Иногда задавали вопросы:

– Где ты их взял-то?

– У папы в коллекции. У него там много всякого: прялки, решета, туюски из бересты, скалки... Вот и лапти нашлись, новенькие, – охотно объяснял Стасик.

– И папа разрешил?

- Сказал: носи, раз такая ситуация. Оботрутся – станут похожи на старинные...
- А мама?
- Мама сказала: Ломоносов в Москву тоже в лаптях пришел, и ничего, человеком стал...
- Мама с папой у тебя что надо, – пришел к выводу Коля. А Славка добавил:
- Ты сам – тоже. Хочешь с нами строить автомобиль на воздушной подушке?
- Стасик хотел...

Когда учебный год закончился, Лилия Кузьминична вздумала снизить ученику Полуэктову оценку по поведению за четверть. Но педсовет это решение не утвердил. А Стасик, в заключение всей истории, в своих лаптях занял первое место в беге на шестьдесят метров – на спартакиаде младших классов, посвященной началу каникул. Когда Стасика поздравлял и расспрашивал корреспондент школьной газеты, тот честно сказал, что накануне увидел на озерам берегу след атлета Жоры и натер песком из следа лапти. Вмешалась судейская коллегия, хотели отменить результат. Мол, такое колдовство – все равно, что допинг. Но и участники, и болельщики возмутились. Во первых, как оказалось, Жорин след использовал не один Стасик Полуэктов. А во-вторых, где это сказано, что натирание ступней песком (пусть даже не простым) запрещено!

Летом лапти Стасика выпросил руководитель театральной студии «Семеро козлят». Не насовсем, а для спектакля «Сказка о Балде» в детском лагере «Тополята». Спектакль занял первое место в губернском конкурсе. А потом Стасик – с папиного согласия – отдал обветшавшие лапти в школьный музей. Там они висят на стенде и сейчас – рядом с указкой учителя Павла Акимовича, который никогда не ставил двоек, и обломком летающей тарелки, который отыскал в Ярушинском овраге первоклассник Ванечка Лабужинский. А под лаптями – табличка, на которой написано про лапти все: их история и заслуги...

Весь июнь Славка Пузырев, Коля Соломин и Стасик Полуэктов строили «воздухоход». К сожалению, испытания не удались: не хватило мощности. В двигателе было всего три велосипедных насоса и волейбольная камера, на которую – предварительно надув ее – все садились с размаха. Получался «толкательный выброс», но слишком слабый. Неудача не обескуражила. К машине приделали педали, превратив ее в «веломобиль». На этом сооружении катались по Колиному двору и ближним переулкам, пока не потерпели аварию в канаве (никто не пострадал). Потом занялись раскопками в овраге и нашли несколько медных монет времен Павла Первого. А в августе на стареньком Колином компьютере с принтером взялись выпускать газету с фантастическими рассказами про НЛО и храброго кума по имени Речная Ставрида. В этой же газете были напечатаны первые стихи Генки Репьева, который жил по соседству с Колей (и был тогда еще дошкольником):

Пузырь, Соломинка и Лапоть,
Они друг с другом заодно.
А кто протянет вражьи лапы,
Тех сразу выкинут в окно!

Вражьи лапы к друзьям никто не протягивал, но стихи понравились своей мужественной энергией. И после этого газету «Три с плюсом» переименовали. Так и назвали: «Пузырь, Соломинка и Лапоть». Прозвище Соломинка сперва не очень радовало Колю Соломина, казалось девчоночьим, но скоро он привык.

В школе к коллективному прозвищу трех друзей тоже привыкли. Хотя вместо «Соломинка» иногда говорили «Солома» – так короче...

2

Сейчас неразлучная тройка двигалась навстречу. Пузырь и Солома тащили растопыренную клеенчатую сумку (как недавно Анна Львовна с Игой). В сумке звякал металл. Наверно, друзья опять что-то строили – судя по их «мастеровому» виду. Пузырь любил солидность, был он в просторной рубашке с карманами и мешковатых джинсах до пят с проделанными на коленях дырами для вентиляции. Солома солидность тоже ценил, но иную – научную. Поэтому часто надевал профессорские очки с простыми стеклами. И теперь на нем были эти очки, а еще – лиловые трусики и похожая на полосатое платице тельняшка с прорехой на пузе. А как там выглядит Лапоть, было не понять – он двигался позади и тащил надетую через плечо надутую автомобильную камеру. Не такую большущую, как недавняя шина, но все же «огого» (как сказал бы Казимир Гансович). Стасика она скрывала почти целиком. Этаким великанский черный бублик на поцарапанных ногах в сандаликах и аккуратных желтых носочках с мультяшными лягушатами.

Ига остановился (и Степка). Три друга тоже остановились. Те и другие были рады передохнуть.

– Репивет, – с удовольствием сказал Ига. Хороших людей встретить всегда приятно (хотя виделись не так уж давно, в классе).

– Репивет, Ига, – сказали Пузырь и Соломинка. Лапоть высунул из-за надутого калача голову в растрепанных локонах:

– Здравствуй, Ига!

Все трое со сдержанным любопытством смотрели на Степку. Ига и она опустили в траву палку с утюгом. Степка встала к Иге поближе.

– Это Степка, – сказал он, ощутив ее локоть. – То есть Степанида. Она приехала сюда недавно. Мы сегодня познакомились, и вот... сразу куча общих дел.

– Репивет, Степка, – кивнул Пузырь, незаметно поддернув штаны с дырами.

– Репивет, Степка, – Соломинка интеллигентно поправил очки.

– Здравствуй, Степа, – сказал из-за пухлой резины самый вежливый, Лапоть. – Какое у тебя впечатление от Малых Репейников?

Степка тихо, но без робости ответила, что впечатление хорошее, только она еще не совсем привыкла.

– Ее оса ужалила, – объяснил Ига. – Пришлось к бабке Насте идти...

– Как это оса ужалила? – очень удивился Лапоть. – Разве у тебя, Степа, нет кнәмьего шарика? Ты походи по траве, обязательно найдешь. Он от всяких укусов защищает.

– Мне обещали подарить...

– Дареные не помогают, – объяснил Лапоть, – Надо, чтобы человек сам нашел...

Степка быстро глянула на Игу, но он отвел глаза.

Степка помолчала и чуть улыбнулась:

– Наверно, оса сразу разглядела, что я не здешняя. Уши не лопухастые.

Трое деликатно, без лишней пристальности, глянули на Степкины уши.

– Дело поправимое, – успокоил Пузырь.

– К середине лета станут как надо, – утешил Степку и Соломинка. Лапоть же посоветовал:

– А если хочешь скорее, подгибай их, когда ложишься спать, и прижимай к подушке. То одно, то другое. В прошлом году у нас в классе появился новичок, и он поступал именно так. Уши стали нормальными буквально через неделю.

Два его друга и с ними Ига покивали: чистая, мол, правда.

– Я попробую, – по-прежнему тихонько пообещала Степка. – А сережки снимать надо?

– Если не мешают, не снимай, – сказал Пузырь. И подбородком показал на утюг. – Это у вас что? В смысле зачем?

Ига не стал вдаваться в подробности.

– Валентиныч попросил отнести в музей, в подарок директору.

– Музей закрыт, – равнодушно сообщил Пузырь и снова поправил штаны. – Мы только что туда заходили... по одному делу.

– Написано «смена экспозиции», – уточнил Соломинка.

– А директор уехал на три дня в Ново-Груздев, – добавил подробностей Лапоть. – Нам сказала это его заместительница Моника Евдокимовна.

– Еще не легче... – сказал Ига.

Пузырь сел на корточки (колени с любопытством высунулись из дыр). Потрогал утюг, прочитал надпись.

– В музее таких – целый склад. Зачем в нем еще один? Отдайте лучше нам.

– А вам зачем? – удивился Ига.

– Вместо якоря. Мы у соседей старую плоскодонку выпросили, теперь корабль оборудуем...

– Да якорю-то острые лапы нужны!

– Такая штука и без лап удержит, своей тяжестью, – разъяснил Соломинка и тоже присел над утюгом. Тоже потрогал, с уважением.

Лапоть наконец сбросил упругую камеру и сел на нее верхом (и оказался голым по пояс, опоясанным, как юбочкой, снятой зеленой майкой; на груди его была нарисована зубной пастой крючконогая птица с растопыренными крыльями). Он сказал:

– Лапы можно приделать, деревянные, как на древних якорях... Давай, Ига, поменяемся. Вы нам утюг, а мы... что-нибудь интересное. А?

Ига поскреб кудлатое темя.

– Нет, ребята, нехорошо. Мы же обещали...

– Оно конечно... – как-то по-старинному вздохнул Пузырь. А Степка вдруг дернула Игу за футболку.

– Ига, давай отдадим. У нас в кладовке еще один такой есть. Никто не отличит.

– А тебе не попадет?

– Он же никому не нужен...

– Ладно, магелланы, забирайте, – решил Ига. С облегчением. Потому что переть чугунный груз опять в Земляничный проезд не очень-то хотелось.

– Мы вас прокатим на корабле! – пообещал Соломинка. Наверно, он был капитаном (недаром в тельняшке). – Он будет называться «Репейный беркут».

– Хорошее название, – одобрил Ига. – А вы вот еще что сделайте... Генка Репьев ведь рядом с вами живет? Мы достали лекарство для Ёжика, отнесите его, ладно? Вам по пути, а мы уже умотались...

– О чем разговор! – Пузырь бережно уложил антибретин в нагрудный карман. Потом они с Соломинкой опять ухватили сумку, а Лапоть влез в резиновый калач. Кроме того, Пузырь и Лапоть взяли за концы палки с утюгом, а Соломинка помахал свободной рукой.

Когда они ушли, Степка нерешительно глянула на Игу:

– А они точно отнесут лекарство, не забудут?

– Да ты что!

Наконец они добрались до Мельничной улицы. Это было совсем рядом с Земляничным проездом.

– Вот он, мой дом, – сказал Ига. – Я пошел... А ты... заходи, если что. – (О том, что надо будет нести в музей другой утюг, он уже забыл.) – У нас квартира четыре, второй этаж...

– Ага...

Стало почему-то неловко. Но Степка вдруг повернулась и побежала не оглядываясь, быстрая, похожая на мальчишку. Только бинт мелькал, да дергались под желтой футболкой лопатки.

Конструкция с маятником

1

Двухэтажный дом на Мельничной улице, в котором жил Ига, простроили полсотни лет назад. Он был деревянный, оштукатуренный и в меру облезлый – как и те, что по соседству. Зато чем хороши старые дома, так это большими комнатами, высокими потолками и просторными кухнями.

В квартире Иги кухня была такая, что мама сумела там выгородить угол для своей мастерской – с электропечкой и большим, крытым фанерой столом. В этом углу мама лепила из глины кукол. Красавиц в пышных юбках и кокошниках, разудалых парней с гармошками, мальчишек с рогатками, девчонок с кошками на руках. А еще – кнамов, квамов, книмов и прочих обитателей Репейных мест. Она обжигала их в печке, покрывала специальными белилами, а затем раскрашивала. Готовые игрушки мама сдавала в лавки, что на рынке в Малых Репейниках, и в художественный салон Ново-Груздева. Туристы и прочие любители сувениров покупали такой товар охотно.

Мама была довольна своей работой. Во-первых, ей нравилось лепить и разрисовывать (недаром кончила факультет народных промыслов), а во-вторых, это дело не заставляло ее надолго уходить из дома. Дому (то есть квартире), где обитают двое безалаберных мальчишек, требуется, говорила мама, глаз да глаз. Кто был одним из безалаберных мальчишек, понятно сразу. А вторым – папа. Это несмотря на его профессорские очки, бородку и солидную должность главного инженера водозаборной станции.

Когда Ига наконец явился домой, мама разрисовывала толстенького чернобородого книма ростом с огурец. На малиновом комбинезоне рисовала желтые пуговицы. Мама поставила книма на ладонь и показала Иге:

– Ну, как?

Ига показал большой палец.

– Как настоящий!

– Кто их видел, настоящих-то, – вздохнула мама. – Сейчас даже травяные кнамы и то редкость...

– Ох уж редкость! Я сегодня одгльшл чуть-чуть не раздавил! – вспомнил Ига. И сразу опять огорчился. – Я не виноват. Прыгнул через ручей, а он откуда-то прямо под руку. Я еле увернулся...

– Где это ты и зачем прыгал через ручей? – слегка обеспокоилась мама.

– Помог Анне Львовне дотащить сумку до автобуса, а оттуда домой через овраг...

Мама поставила книма на фанеру.

– Кстати, об Анне Львовне. Как это она пускает тебя на уроки, такого обормота?

– Почему это я обормот? – оскорбился Ига.

Мама была, конечно, права. Но не совсем. Потому что Ига, если и выглядел обормотом, то не больше других. Он так и сказал. Мама же сказала, что про других не знает, а вот ее горячо любимый и единственный сын...

– Не школьник, а найденыш из лондонских трущоб. Посмотри, чучело, на себя в зеркало.

Ига не стал смотреть (чего он там на видал?).

– А что делать, если мы такие? Это в Ново-Груздевском лицее все ходят в галстучках, а мы лопухастые... А ты тоже была лопухастая двадцать лет назад! Сама говорила! Ага? И папа...

Мама сказала, что она все же не ходила с репьями в волосах, а папа – в измочаленных штанах с бахромой.

Ига, шипя и морщась, вытащил из похожих на перепутанные стружки волос два репья. А про бахрому объяснил, что нынче такая мода.

– А грязь на майке тоже мода, хиппи ты мой ненаглядный?

Ига скосил глаза. Ух ты, в самом деле...

– Но это уже после школы!

– Когда героически спасал несчастного кнама?

– Нет. Наверно, когда мы со Степкой поднимали шину. Мы нашли ее посреди проезда...

– Кстати, о шине! Значит, это ты чуть не отправил на тот свет бедную Маргариту Геннадьевну? Я встретила ее полчаса назад в овощном магазине, она и говорит: «Ах, голубушка, мне очень неприятно сообщать вам это, но ваш сын недавно пустил на меня тяжеленное колесо от какой-то громадной машины. Я еле увернулась, при моей комплекции это не просто. Я узнала вашего Игоря, хотя он с сообщником спешно удалился с места происшествия». Отвечай честно: было?

Ига честно взвыл:

– Я нарочно, что ли? Мы поставили шину ребром, а тут оса ее как клюнет! Она как взвывает!

– Шина?!

– Да не шина! Степка!

– А почему «она»? Если Степка...

– Потому что девочка! Степанида... Шина поехала вниз, а эта башня вдруг выплывает ей навстречу!

– И-горь...

– Ну, не башня... дама. То есть Маргарита Геннадьевна... Ей бы шагнуть назад, а она встала и верещит... А сбежали мы со Степкой, когда увидели, что никто не пострадал.

– И слава Богу, что никто... Ты должен пойти к ней и как следует извиниться.

– Ну, мама! Ну... как-нибудь потом, ладно?

– Она, бедная, призналась, что после этого случая будет икать от ужаса до конца своих дней...

– Ох уж... Да если бы шина и попала в нее! Все равно, что бубликом по водокачке.

– Игорь, как тебе не стыдно!.. Кстати, о водокачке. Папа приходил обедать и рассказал, что у них на станции ЧП.

– Небось, опять трубу разорвало?

– Не о том речь! В систему очистки попали два ручейковых квама! Эдакие мореходы-путешественники! Надумали в лодке из сушеной тыквы отправиться по озеру на Малый Лопуховый остров, к друзьям! Не рассчитали силы, течением их затянуло в приемный шлюз, они застряли у первого фильтра. Пришлось выключать насосы, доставать...

– Вот растяпы! А дальше что?

– А дальше ничего интересного. Отрутали, отвезли вместе с лодкой к ручью, велели больше не соваться на открытую воду...

– Кстати, о воде, – быстро сказал Степка, чтобы мама не вспомнила об извинениях. – Квамы запрудили Говорлинка. А на берегу я встретил Генку Репьева. Он хотел бродить в речке, да я отговорил...

– Ты его как-нибудь приведи к нам. Вместе с Ёжиком. Я их вылеплю. Будет сувенир: «Юный поэт из Малых Репейников и его говорящий Ёжик».

– Ладно! Только позже, когда Ёжик выздоровеет. У него то ли пневмония, то ли ОРЗ. Мы со Степкой бегали, искали лекарство...

– Кстати, что это за Степка? Я такой личности в кругу твоих приятелей не помню.

– Она недавно приехала, к деду с бабкой. Случайно познакомились, когда... – он чуть не брякнул «когда она уронила на меня утюг», но представил мамины большие глаза. – Когда я шел по Земляничному проезду.

– Вот так шел и познакомился? Весьма отратно.

– А... прочему отратно?

– Значит, растешь, раз появился интерес к девочкам...

– Ой, да какой там интерес! – опять взвыл Ига. – Она малявка, ей девяти лет нет! У нее еще не все зубы выросли!

– Это неважно. Знакомство с девочкой всегда облагораживает мальчика.

– Ага, она облагородит. Вот ты увидишь, когда придет. Она еще больше чучело и «найденш», чем я... Мама, а что у нас есть в холодильнике?

– Борщ и котлеты. Сейчас разогрею... Или сам?

– Я не хочу есть!

– Ты никогда не хочешь есть. А кто обещал соблюдать режим?

– Кто бы это? – Ига поднял глаза к потолку.

– Молодой человек, вы сейчас получите по загривку.

– Но режим же нужен в учебное время, а сейчас почти каникулы!

– «Почти» не считается.

– Считается, считается! Мам, а соку случайно нет?

Мама внимательно посмотрела на неисправимого «найденш».

– Сок *случайно* есть. Апельсиновый. Возьми в холодильнике коробочку. Но не забудь, что тебе надо извиниться перед Маргаритой Геннадьевной.

– Ну, ма-а... Потом, ладно? Когда она перестанет икать... А сок с трубочкой?!

– С трубочкой, несчастье ты мое, с трубочкой...

2

Тонкие пластмассовые трубочки для «сокососания» Ига собирал где только мог. Это был строительный материал. Ига уже целый год сооружал из трубочек ни на что не похожую конструкцию. Он так и называл это свое создание – «Конструкция».

Ига просовывал в трубки тонкие проволоочки, скручивал их, выгибал кольцами и спиралями. Бывало, что он соединял трубочки каплями сосновой смолы, которую находил на пахнущих лесом поленицах (в Малых Репейниках было еще немало домов с печками). Иногда спаивал проволоочки оловом, а пластмассу склеивал ацетоном. Получалось что-то невообразимое. Вначале Ига изготовил нечто напоминающее модель решетчатого подъемного крана с тонкой башней и длинной стрелой. Потом, почесав кудлатый затылок, задумчиво изогнул башню дугой, а стрелу свил спиралью. Укрепил их в таком виде на дощатой подставке. Это стало основанием конструкции. После того Ига стал наращивать хитрые ответвления, всякие детали из ажурных пирамид, кубиков и конусов, соединял их плавными трубчатыми дугами и плетеными мостиками.

Зачем он это мастерил? Ига не знал. Нравилось, вот и все. По какому плану строил Конструкцию? Да без всякого плана! Как говорится, по наитию. Наверно, вот так сочиняют свои сонаты и симфонии композиторы – прислушиваются к своим внутренним мелодиям и, нащупав самую хорошую, начинают обрадованно молотить по клавишам. Что-то внутри подсказывало Иге: именно здесь надо изогнуть разлапистую ветку этого решетчатого дерева, именно сюда пристроить склеенную из трубок фигуру, похожую на морскую звезду...

На краю доски Ига укрепил воротца из толстой алюминиевой проволоки. И повесил под ними маятник от старых часов-ходиков, который нашел в мусоре за сараем. Для чего? Ига опять же не знал. Но, видимо, маятник был нужен Конструкции. Когда Ига удачно приращивал

к ней новую деталь, Маятник сам собой принимался качаться. Будто под часами. И (можете не верить, но это правда) в тишине слышалось отчетливое «такки-так», хотя, казалось бы, «такать» было совершенно нечему.

Папа присматривался к работе Иги с интересом и молча. Но однажды не выдержал.

– А какова все-таки у этого сооружения функциональная нагрузка?

– Че-во? – сказал Ига.

– Проще говоря, какая от этой штуки польза?

– А! Она помогает мне думать...

И папа отошел с уважительным пониманием, чуть не на цыпочках.

Конструкция и правда странным образом помогала Игиным размышлениям. Не всяким, а серьезным. О времени, о пространствах, о четвертом, пятом и всяких других измерениях. Такие мысли приходили чаще всего перед сном. Ига лежал на узкой тахте, смотрел на Конструкцию и пытался разгадать то одну, то другую тайну вселенной. Или скорее даже не разгадать, а почувствовать кончиками нервов (иногда жутковато и сладко замирала душа). Например, какая природа у бесконечности?..

Некоторые люди не могут понять, что это такое – бесконечность? А Ига понимал. Наоборот он не мог представить, что у вселенной могут быть какие-то границы. Как это: мчишься, мчишься в космосе миллиарды миллиардов световых лет, а потом – хлоп и граница? Какая? Стенка, что ли? Чушь да и только... Некоторые говорят: всемирное пространство замкнуто. Ну, вроде бы оно, как необъятного диаметра внутренность шара. Летишь по нему, и кажется, что движешься по прямой, а на самом деле – по кольцу. И в конце концов можешь вернуться в то место, откуда стартовал. А через какое время вернешься-то? Через бесконечное?.. А что если во время такого полета резко свернуть в сторону? Упрешься в оболочку «шара»? А можно ее пробить? А если пробьешь, за ней что? Другая вселенная? Ну, и выходит – опять нет конца.

Да, что у бесконечности конца нет, было понятно. Неясно другое – было ли у нее начало? И во времени и в расстояниях. Ученые решили, что мир возник после того, как взорвалась материя, сжатая в крошечную точку. Допустим. А откуда взялась эта точка? А что было до нее? Или она была *всегда*? А где она находилась? Существовала только *внутри себя* или все же висела в каком-то пространстве? В каком?..

О природе пространства Ига тоже размышлял немало. Он понимал, что не бывает пустоты. Нигде, даже там, где нет ни звезд, ни галактик, ни всяких энергетических волн и полей. Оно, пространство, очень такое... пронцаемое, да, и все же в нем есть какая-то структура. Вроде как в удивительно прозрачном кристалле. И если разгадаешь эту структуру, можно ее перестраивать, раздвигать и проникать в миры уже совсем других пространств...

Да, размышлять про такое порой было страшно, но и заманчиво. Словно смотришь вниз с громадной высоты. И порой казалось, что вот-вот откроется какая-то загадка. И... даже приоткрывалась, но только на миг... А Конструкция в свете крошечного ночника отбрасывала на стену фантастическую тень и словно шевелилась. Что-то подсказывала.

Ночник на седьмой день рождения подарили Иге родители (в ту пору он еще побаивался спать без света). Папа сделал электрическую схему, а мама вылепила и раскрасила румяного большеротого клоуна, который держал зеленый зонтик над лампочкой. С той поры прошло больше четырех лет, Ига давно не пугался темноты (по крайней мере дома), но иногда все же не выключал ночник. Именно ради тени от Конструкции. Порой казалось, что это тень многих соединенных вместе мировых пространств. Да и сама Конструкция в зеленоватом полусвете казалась выросшей и более загадочной, чем днем.

Иногда оживал и начинал щелкать маятник...

Кроме Конструкции ночник освещал на покрытом прожженной клеенкой столе раскиданные учебники, мотки изоляты и проволоки, карандаши, кусачки, ножницы, паяльники и

прочее Игино хозяйство. Прямо скажем, порядка там не наблюдалось. Но Ига знал, что порядок есть.

В квартире было две комнаты. Мама с папой обитали в угловой, а Ига в большой, которая называлась «гостиная». Здесь у Иги был свой угол со столом и постелью. Прямо скажем, этот угол не давал возможности сделать гостиную совсем такой, чтобы «не стыдно принять гостей» (мамина мечта). Но что поделаешь? Ига не был вредным и капризным (разве что изредка), но некоторые свои права отстаивал отчаянно. Раньше случалось, что и до слез. Например, он не позволял ничего трогать на своем столе. Мало того! Если он где-то оставлял молоток, отвертку, плоскогубцы, которыми что-то мастерил, или книгу, которую читал (пускай даже в туалете), то убирать их тоже было нельзя, пока сам не положит на место. («Ну *по-жаль-луй-ста* не трогайте, а то я их никогда не найду!») Папа даже сочинил по этому поводу стихи. Хотя он, как поэт, и уступал в таланте Генке Репьеву, но на этот раз получилось неплохо. И главное – в точку.

Мы живем под игом Иги —
Снисхожденья не проси.
Инструменты или книги
Трогать – Боже упаси!

Мама в конце концов махнула рукой. Она была человеком искусства и понимала, что творчество единственного сына важнее вылизанной гостиной. Маме казалось, что Ига создает полную вдохновения скульптуру в творческой манере, которая называется «конструктивизм». Может быть в ребенке зреет будущий гениальный художник авангардного направления, вроде Эрнста Неизвестного или Вадима Сидура!

Но сам Ига знал, что его Конструкция – не скульптура, хотя и требует вдохновения. Скорее уж она модель каких-то неведомых миров. Хотя, каких именно, Ига еще не понимал.

...Сейчас Ига, присев у стола, прищуренно оглядывал Конструкцию, облизывал с губ выпитый сок и прикидывал: не следует ли новой трубкой подтянуть «морскую звезду» к внешнему изгибу пологой ажурной спирали. Кажется, общий вид сооружения стал бы от этого более законченным. Более уверенным, что ли... Ига поскреб в завитках волос на темени. Маятник одобрительно качнулся. Но тут же замер. Потому что в прихожей переливчато задергался колокольчик.

Ига услышал, как мама шагнула из кухни к двери, открыла. Кто-то что-то тихо проговорил. Мама ответила. Потом появилась в гостиной.

– Сокровище мое, это к тебе. Судя по всему, та самая Степка. Хотя она, вопреки твоим описаниям, вовсе не чучело...

3

Степка теперь и правда не выглядела чучелом. Умытая и причесанная. В зеленом платье с рисунком из белых загогулин, с такой же зеленой ленточкой на лбу и волосах – вроде мальчишечьей «банданы». В новых сандалетках и белых гольфах. Один гольф соединялся с бинтом на колене, и получилось, будто нога в белом чулке. «Стёппи Длинныйчулок», – хмыкнул про себя Ига. Потому что, несмотря на праздничный вид, в Степке при внимательном взгляде была все же заметна прежняя решительность и угловатость – как у известной сказочной Пеппи.

– Ты прямо как именинница, – снисходительно заметил Ига. И дальше она должна была ощутить вопрос: «А зачем пожаловала-то?» Хотя нельзя сказать, что Ига был раздосадован. Скорее... наоборот.

– Игорёк, ты пригласил бы девочку в комнату, – особенным «гостевым» голосом сказала из-за двери мама.

– Ага... проходи...

– Я на минутку, – Степка глянула озабоченно. – Я тебя ждала там, у лопухов, а тебя все нет...

– А зачем ждала-то?

– Тебе разве не нужен твой рюкзак?

– Великая Конструкция! – Ига хватил себя ладонью по лбу. Он совсем забыл про рюкзак с учебниками. (Вот что значит близкие каникулы!) – Бежим!.. Хотя можно и не бежать. Кто его там возьмет...

– Никто, – согласилась Степка. – Я спрятала его на всякий случай. Хотела принести тебе, а потом думаю: вдруг тебя дома нет... А потом снова подумала: ты придешь за рюкзаком, а он куда-то девался... Вот и пошла к тебе. Чтобы сказать... – она зацарапала сандалеткой половицу

– Да зачем его было прятать-то? .

– Там какой-то мальчишка ходил, белобрысый такой, в пятнистой одежде. Не просто так, а с видеокамерой. Будто что-то снимал и вынюхивал. А потом у него что-то запищало. То ли в камере, то ли в кармане. Он оглянулся и убежал. А я понесла рюкзак домой, в кладовку.

Ига кивнул. Про мальчишку с камерой и в камуфляже он слышал от ребят и раньше. А один раз даже видел. Станный тип. Явно не из местных. Появился недавно (и уши не оттопыренные). В такую погоду зачем-то жарился в камуфляжном комбинезоне. Камеру старался носить скрытно, в таком же, как костюм, маскировочном мешке. Что-то снимал издалека или из-за угла, ни с кем не знакомился. Если окликали, быстро уходил. Мальчишки задумали. было поймать и допросить: вдруг шпион какой-то, снимает что-то секретное. Да потом опомнились: какие секреты в Малых Репейниках? Охота человеку развлекаться одному, ну и пусть.

– Может, боится, что камеру отберут, – сказал кто-то из ребят, когда про «шпиона» говорили в пятом «Б».

– Он что, ненормальный?

– Ну, не здешний же, не лопухастый...

– Наверно, в разведчиков играет, оператор из секретной службы...

– Или в пиратов, – хихикнул кто-то. – Снимает места, где могут быть зарыты разбойничьи клады...

– О-пиратор... – сказал известный своим юмором Костик Андрюхин.

Так и приклеилось к незнакомцу в камуфляже прозвище – «О-пиратор».

...– Про этого деятеля с камерой все знают, – сказал Степке Ига. – Он странный, но в общем-то безобидный. Нравится человеку снимать свое кино, вот и пусть изводит пленку... «Трем мушкетерам» тоже нравилось, помнишь, Валентин Валентиныч рассказывал?

– Ига... – как-то виновато отозвалась Степка. Опять зацарапала половицу. – Я помню. Я потому и пришла, а не только чтобы про рюкзак сказать...

Он почему-то сразу встревожился:

– Степка, что-то случилось?

– Ага, случилось... Я, кажется, нашла их кино. На ленте. Я принесла рюкзак в кладовку, а там на меня с полки упала железная банка, круглая. Ну, не совсем на меня, на пол. Стукнулась и открылась. А в ней моток черной ленты. Я стала смотреть, там маленькие картиночки. Не очень хорошо видно, мелко, но все же заметно, что там ребята. Я сразу подумала, что это те самые...

– Почему?

– Потому что они ведь давно снимали. И там, в кладовке, все вещи старинные, вроде того утюга. Значит, и банка старая. А еще знаешь что? В том доме, где мы сейчас, раньше жили Рубашкины. Как Юрик Рубашкин. Забавно, да?

– А где эта киноплёнка?

– Там, в кладовке...

– Идем! Нет, подожди... – Ига метнулся в комнату, схватил со стола большую лупу с рукояткой. «Мама, я немножко погуляю со Степкой!..» – «А обедать?!» – «Когда приду! Я скоро!...» – Лишь бы опять не вспомнила про толстую Маргариту...

«Где же мы?..»

1

Степке, видимо, самой непривычен был ее праздничный наряд. Шла она рядом с Игой как-то слишком чинно. А потом заспешила, потянула Игу за руку, словно испугалась: вдруг он передумает, не пойдет к ней? Даже смешно стало...

Степкин двор выходил в Земляничный проезд боковым краем, а дом смотрел окнами на Серпуховскую улицу, что тянулась параллельно Мельничной. Был дом кривой, осевший одним углом, но обширный, в полтора этажа. Когда-то, наверно, он выглядел солидно. Полуподвальный этаж – из кирпича (кое-где совсем замшелого), а верхний обшит досками. Серые от старости доски местами полопались и поотрывались, открыв щелястые бревна. Узоры на карнизах верхних окон поотваливались.

Было у дома парадное крылечко, но Степка повела Игу не к нему, а к перекошенной калитке рядом с такими же косыми воротами. Когда-то ворота были красивыми – на деревянных башенках сохранились остатки кружева из ржавой жести.

– Смотри, Ига... – Степка вздернутой головой показала вверх. На левом столбе, пониже башенки, виднелась бурая табличка с облезлыми черными буквами: «Домъ А.А.Рубашкина». Степка обстоятельно разъяснила:

– Дед и бабушка купили этот дом десять лет назад. Он уже и тогда был совсем старый, но они решили, что на их век хватит. Зато Рубашкины эти продавали его совсем дешево, им надо было скорей уехать...

Они вошли на широкий двор с поленницей и кленами у забора. В боковой стене дома была дощатая дверь. За дверью оказалась полутемная лестница, пахло пылью и пересохшим деревом. Поднялись по визгливым ступеням. За другой, обитой войлоком, дверью оказался коридор с двумя оконцами. И все тот же запах ветхого дома.

– Тихо как... – сказал Ига. Почему-то шепотом. – Никого нет дома?

– Дед, наверно, в своей комнате, табак крошит. Он его сам готовит. А бабушка где-то по хозяйству... А кладовка вон там.

Дверь в кладовку была а конце коридора. Удивительная дверь. Неизвестный давний мастер зачем-то украсил ее выпуклыми резными узорами: листьями, цветами, завитками... Степка сунула руку за косяк, достала ключ. Он тоже был удивительный – из тусклой меди, с узорчатым колечком, словно от сундучка с сокровищем. Степка сунула его в скважину. Ига вдруг решил, что сейчас раздастся звякающая музыка. Но ключ повернулся бесшумно. И дверь открылась без скрипа.

– Входи, Ига, – выдохнула Степка. А когда он шагнул, вдруг спросила ему в спину: – А «репивет» это по здешнему «привет?»

– Конечно!

– Я догадалась...

Оглядевшись, Ига понял, что тесное помещение не всегда служило кладовкой. Это был закрытый балкон. Этаким граненый выступ на стене, который называется «эркер». В стенках эркера обычно делают узкие окна с хитрыми переплетами и цветными стеклами. Теперь окна были заколочены, загорожены полками. Степка плотно прикрыла дверь. Щелкнула выключателем. Желтый свет лампочки смешался с бьющими в щели лучами. Лучи проникали между всякой всячиной на полках.

Здесь было то, что и должно быть в чулане старинного дома. Керосиновые лампы с узкими стеклами, полинялые шелковые абажуры, пыльные кипы забытых журналов, патефон

со стопкой пластинок на крышке, побитые фарфоровые статуэтки, мятые шляпы, шкатулки, бронзовые часы без стрелок, треснувшие кувшины... Валентин Валентиныч Клин нашел бы тут немало интересного... Игин рюкзак лежал на нижней полке, рядом с помятой кастрюлей, из которой торчал детский подшитый валенок. А под боком у него поблескивала жестью круглая коробка. Вроде банки в которых продают маринованную салаку.

– Вот она... – шепнула Степка. И сколупнула ногтями крышку. В банке чернел плотный рулон. Небольшой, меньше, чем сама банка. Ига взял его на ладонь. Тяжелый...

– Ты много тут смотрела? – шепнул он.

– Не-а, только самое начало... Давай сядем.

Рядом с дверью стоял, сундук, покрытый ветхим, плетеным из лоскутков ковриком. Сели на него рядышком. Ига потянул ленту. О нее пахло по-особому, целлулоидом, какого теперь уже, кажется, не делают. А еще (кроме привычного уже запаха старого дома и ненужных вещей) пахло чистым Степкным платицем и ее волосами, которые щекотнули Игино ухо.

– Подвинься, – сказал Ига с неловкой сердитостью. Она быстро шевельнулась. Ига вытащил из кармана лупу. У стены напротив, на полке, стояло торчком (очень удачно!) фаянсовое блюдо с отбитым краем. Отражая лампочку, светилося белым овалом. Кинокадрики на его фоне смотрелись на просвет ярко и отчетливо.

...Трое мальчишек на дворе с поленницей (возможно, на этом самом) перебрасываются волейбольным мячом. Вот мяч во весь кадр – наверно, чуть не влетел в объектив! Вот портрет узколицего светловолосого пацана в тубетейке (подумалось почему-то: наверно, Вилька Аугенблик)... Другой мальчишка – курчавый, в майке, в штанах на лямках бежит, вскинув над головой воздушный змей. Видно, что из газеты...

Степка опять шевельнулась. Ига, подавив досаду, протянул ей лупу:

– На, взгляни...

И они стали смотреть по очереди, слаженно дыша рядышком.

Ига воткнул в середину рулона поднятую с пола ручку-вставочку (такими писали в давние времена). Получилась катушка. Ига высоко держал ее в левой руке, а правой, в которой лупа, не спеша, метр за метром, сматывал вниз киноленту. То перед собой, то перед Степкой. Лента щекочуше скользила по Игиным ногам и кольцами ложилась на пол. Чтобы не растоптать ее, поставили пятки на сундук. Степкино забинтованное колено забелело совсем рядом. Бинт был еще свежим, от него пахло аптекой. «Ну, как нога, не болит?» – хотел спросить Ига, но тут же забыл. На киноленте два мальчишки в газетных треуголках сражались деревянными шпагами. Мушкетеры! Третий, видимо снимал...

Но кое-где они появлялись и втроем – наверно, снимали со штатива или просили кого-то. Вот они, тощие, в широких черных трусах, ныряют с мостков. Брызги столбом и белые вспышки солнца в брызгах! Вот раскидали на траве автомобильные камеры, сколачивают из досок каркас, мастерят корабль. Надутые камеры – такие же, как та, которую тащил недавно Лапоть... Ига вдруг поймал себя на ощущении, будто смотрит кадры не с давними пацанами (которых уже и на свете-то нет), а с нынешними – Пузырем, Соломинкой и Лаптем!

Тайная связь времён?

Шевельнулась почему-то память о хрупкой Конструкции с чутким маятником. «Такки-так...»

А вот опять крупные планы. Портреты. Теперь уж не спутаешь, кто из них кто. Потому что над плечом у каждого, на досках забора, – нацарапанные мелом буквы. «Вилька-Арамис» (это и правда тот, светловолосый). «Борька-Атос» (это курчавый). А вот еще один, веснушчатый, в сидящей на ушах военной фуражке, «Юрка-Портос». Портосу полагается быть упитанным и крепким, а этот с тонкой шеей, узкими плечами. Что поделаешь, толстого в компании не нашлось. Как и д'Артаньяна. Вместо него мелькнул пару раз босой пацаненок в поло-

сатой рубашонке и бескозырке с надписью «Марат». То на качелях, то по щиколотку в луже. Пригляделись и стало ясно – семилетний Валька Клин...

– Вот Валентин Валентиныч обрадуется!

Степка спросила:

– А как ты думаешь, у него есть аппарат, чтобы посмотреть это кино? Чтобы все двигалось...

– По-моему, есть. Кажется, я видел на полке старинный кинопроектор. Похоже на смесь швейной машины и подзорной трубы...

– А давай пойдем к нему сейчас!

– Ну... давай сперва досмотрим до конца.

На последних кадрах опять был корабль из камер, а еще – большая, размером с газету бумага с непонятными рисунками. Трое разглядывали ее сдвинувшись головами. А потом головы раздвинули, и бумага – во весь кадр. Похоже, что самодельная карта. После этого – еще портрет Юрки-Портоса, похожие на бурых медуз пятна и всё, конец...

– Пойдем? – опять сказала Степка.

Вот неуёмная! У Иги после всех хождений постанывали ноги.

– Степка, мы ведь обещали Валентинычу, что отнесем утюг в музей. Неудобно соваться, пока не отнесли...

– Да вот он утюг-то, рядом с самоваром!

– Но музей-то закрыт!

– Значит, мы не виноваты! Так и скажем!

– Оправдываться нехорошо. Будто все равно виноваты. Лучше подождем, когда вернется директор. Всего-то три дня...

Степка хотела, кажется, заспорить, но вдруг будто спохватилась. Кивнула:

– Хорошо. Но через три дня обязательно, да?

– Честное лопухастое! – Степка сложил пальцы колючком.

Степка засмеялась и сказала почему-то, что через три дня даже лучше.

– Я люблю ждать, когда что-то приятное. Забавно, да?

Ига стал сматывать шуршащую киноплёнку. Степка спросила:

– А длинное это будет кино?

Ига прикинул в уме высоту кадрика, длину всей ленты (метров тридцать), вспомни, что в старых аппаратах скорость была шестнадцать кадров в секунду (читал в «Занимательной технике»).

– Нет, совсем короткое, минуты две... Наверно, у тех ребят были и другие отснятые пленки, а сохранилась только эта.

– Жалко...

– Но все равно интересно!

– Ига...

– Что?

– Если хочешь, возьми пока это кино с собой. Пусть будет у себя. Если тебе нести тяжело, я могу сама...

«Тяжело! Ну, скажет же...»

Он чуть не ответил «ладно, спасибо». Можно будет дома, без спешки, посмотреть кадры еще раз. Но спохватился. Возьмет, а Степка начнет переживать: вдруг, мол, он отправится в «Два рыцаря» без нее?

– Нет, пусть лежит, где всегда лежало. А потом я приду, мы возьмем и вместе пойдем.

– Только сперва утюг, да?

– Ох... да.

2

Они уложили коробку и спустились на двор. Степка виновато посопела и спросила, что, если не надо нести киноленту, можно она пойдет с Игой просто так? Проводит его до дома. Потому что делать ей все равно нечего. Ига сказал, что можно, конечно. В самом деле, жалко, что ли? Даже веселее.

И они пошли. Но через несколько шагов Степка сказала «ой!»

– Рюкзак-то мы опять забыли! Забавно, да?

Ига снова, как дома, огрел себя по лбу.

– Ну, что со мной сегодня! «Забавно»! Не голова, а дырка!..

– Пошли, это же быстро!

По лестнице взлетели одним духом. А в коридоре... там остановились. Навстречу шла старуха в темном длинном платье. Высокая, со сморщенным неласковым лицом.

Ига даже испугался. А Степка, вроде бы, нет. Быстро взяла его за руку.

– Баба Катя, это Ига. Игорь то есть. Мы играли, а потом забыли здесь его рюкзак. Забавно, да?

Баба Катя кивнула без удивления. То ли Иге, то ли вообще.

– Ну, коли забыли, возьмите, дело нехитрое.

– Ага... Он там, в кладовке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.